

Александр Старшинов
Центурион Траяна
Серия «Легионер», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592485

Центурион Траяна: 2010

ISBN 978-5-17-069673-4, 978-5-9725-1859-3, 978-5-226-03022-2

Аннотация

Первый век нашей эры. Император Траян готов атаковать Дакийское царство. Судьба грядущей кампании зависит от стойкости ветеранов Пятого Македонского легиона и от мужества «спецназа Древнего Рима» – Гая Остория Приска и его друзей. В этой схватке пригодится все – ум Приска и его талант фехтовальщика, способность Тиресия предсказывать будущее, хитрость Куки, сила Малыша, мужество и жестокость Молчуна. Вместе они – сила, но разгромить дакийского царя Децебала не так-то просто. Для этого придется штурмовать неприступные горные крепости в самом сердце Дакии, где даже отыскать нужную дорогу – почти невыполнимая задача... А ещё – хорошо бы просто выжить.

Содержание

Книга I	4
Часть I	4
Глава I	4
Глава II	15
Глава III	22
Глава IV	29
Глава V	39
Глава VI	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Старшинов

Центурион Траяна

Книга I

Ответный удар

Часть I

Ледяная змея

Глава I

Пленник

Январь 855¹ года от основания Рима. Берег Данубия между Новами и Эском

Дака поймали сетью. Не рыболовной, а куда более тяжелой и прочной круглой сетью ретиария² со свинцовыми грузиками.

Поначалу на дака ринулся Кука. Но варвар как будто ожидал нападения – левой рукой отшвырнул кожаный мешок, что тащил на плече, а правой обнажил меч, да так мгновенно, что Кука с трудом сумел увернуться от кривого фракийского клинка – варвар орудовал мечом с поразительной ловкостью. Да и ростом дак был выше римлянина на целую голову. Легионер благоразумно отступил.

Подбитые гвоздями солдатские калиги не скользили на снегу, что давало Куке немного преимущества – в бегстве. Однако дак не собирался кидаться в погоню. Он с видимым усилием подхватил брошенный мешок и ринулся напролом через снежную целину и оледенелые ветви кустарника. Второго легионера, который притаился за сваленными грудой и засыпанными снегом камнями, варвар не видел. В предутреннем сумраке было невозможно разглядеть, что кто-то скрывается здесь в засаде. Когда Приск выскочил из укрытия, дак замер на мгновение, оценил обстановку и тут же ринулся вперед, рассчитывая на свою силу и рост. Но нанести удар не успел... Бросок у Приска вышел удачный – сеть полностью раскрылась, опутала варвара и сбила с ног.

Лежа на снегу, пленник все еще бился, как огромная рыба, и рычал, пытаясь кинжалом разрезать веревки. Еще несколько мгновений, и он бы наверняка освободился. Но Кука такого шанса лазутчику не дал: в два прыжка очутился рядом и огрел палкой по голове. Варвар обмяк. После этого Кука первым делом просунул руку в проделанную дыру и забрал кинжал пленника. Приск подошел и остановился рядом с добычей. Ладонь он на всякий случай держал на рукояти меча.

Кука присвистнул, осматривая трофейный кинжал:

– Хорошая работа... А лезвие... Острее, чем бритва у Молчуна! Глянь, что натворил, чуть ли не все веревки перерезал! Железо у даков отличное, это я давно заметил. – Он наклонился, потянул было на себя сеть, чтобы опробовать лезвие.

– Не порти вещь, – остановил товарища Приск.

¹ Январь 102 года н. э.

² Ретиарий – вооруженный трезубцем и сетью гладиатор.

– Еще одного хочешь поймать? – хмыкнул Кука. – Не волнуйся, сегодня они вряд ли полезут. Уже совсем рассвело, значит, тайных гостей с того берега ждать бесполезно.

– Сеть оставь! – в голосе Приска прозвучала легкая угроза.

Кука недоуменно фыркнул, но уступил. Дакийский кинжал он сунул себе за пояс.

– Приложил ты его – будто быка жертвенным топором. – Приск на всякий случай поводил тыльной стороной руки у пленника под носом – не помер ли тот.

Им повезло – парень еще дышал. Значит, скорее всего, очнется. Человек с той стороны был нужен живым.

– У варваров головы крепкие, – успокоил приятеля Кука. – Недаром многие выходят против нас без шлемов... Подержи-ка его, а то вдруг он притворяется, и как только я сниму сеть, тут же вскочит, как мой природный меч по утрам.

Приск наклонился и крепко ухватил локти варвара, пока Кука выпутывал меч дака и ножны из ячеек. Только после этого легионеры вытащили пленника и связали ремнями. Впрочем, Кука опасался зря: варвар, похоже, не притворялся, и в самом деле был без сознания.

– Я к воде, погляжу, что там... – Сказано – сделано, Кука тут же побежал к берегу – осмотреть место, где причаливала лодка.

Приск подумал: пустое это, и так видно: на снегу остались следы лишь одного человека. Лодка с гребцом ушла назад, на дакийскую сторону Данубия. Так что Кука, желая дакам отправиться в страну всех болезней, бродил по берегу, теряя драгоценное время.

Приск поднял мешок пленника и невольно охнул: при малом объеме тот был на диво увесист. Распуская веревки, легионер уже знал, что увидит внутри. Кожаный мешок был набит золотом – а если точнее, одинаковыми браслетами с изображением волка с оскаленной пастью. Даки – волки. И нападают они стаей – не поодиночке. Значит, гость явился не воевать.

Приск выбрал один из браслетов и надел на запястье, после чего снова затянул веревку и повесил мешок себе на плечо.

Пленник неожиданно дернулся, сначала слабо, потом сильнее. Но ремни были затянуты на славу. Извернувшись, варвар попытался лягнуть Приска спутанными ногами, но легионер вовремя отступил и в ответ пнул варвара по ребрам. Не в полную силу, но так, что парень зарычал от боли.

– Ну что, – сказал Кука, вернувшись от берега, – потащили!.. Сегодня нам повезло.

Это было правдой: накануне Малыш и Молчун упустили двоих лазутчиков. Варвары, переправившись на римский берег, исчезли, растворились тенями в темноте.

А за два дня до этого человек с той стороны реки при попытке захвата погиб. Дрался он как волк, и даже сумел ранить Тиресия. После чего Молчун успокоил дака навсегда.

Уже несколько дней лазутчики переправлялись на римскую сторону в Нижнюю Мезию. Один раз либурна³ погналась за лодкой перевозчика, но в темноте потеряла добычу из виду, ведь моряки обычно не выходят из гавани по ночам. Зато лодки с той стороны шныряли взад и вперед ночью как днем.

– Не терпится услышать, что поведает нам варвар. Наверняка что-нибудь интересенькое! – хмыкнул Кука.

Приск с сомнением покачал головой: надежда, что так разговорится, была весьма слабой.

– Кстати с сетью ты здорово управился, – хмыкнул Кука. – Может, тебе и трезубцем еще обзавестись?

³ Либурна – быстроходный корабль.

* * *

Маленький отряд под началом Куки прибыл из лагеря Пятого Македонского легиона в бург на берегу Данубия несколько дней назад. Легионеры прискакали верхом. И, надо сказать, скакуны у них были очень даже приличные, на таких конях военным трибунам⁴ разъезжать под стать. Все пятеро были молоды, но не новички, зато вели себя минимум как принципалы⁵. Командиром отряда значился Кука, смуглый коренастый крепыш, чья манера говорить и жестикуляция выдавали в нем уроженца Кампании.

«Прослужили лет пять-шесть, не больше, – сказал бы, глядя на них, какой-нибудь ветеран с Данубийского лимеса⁶. – Успели пообтереться в лагере, но все еще сохраняют привычки юности».

В самом деле – если в Куке все еще угадывался бойкий сын лавочника из Неаполя, то в Гае Приске можно было распознать выходца из семьи как минимум всаднической, потерявшей прежнее влияние и богатство, раз юноша пошел служить в легион. Иногда в шутку товарищи называли Приска Юлием Цезарем, ибо юный Гай даже внешне походил на божественного Гая Юлия – такой же светлокожий, с темными живыми глазами.

Кука командовал контубернием⁷, но мозгом маленького подразделения несомненно был Приск. Тиресий – как и его мифический фиванский тезка – мог предсказывать будущее, и об этом в легионе знали. Гигантского роста Малыш служил воплощением физической мощи. Угрюмый Молчун по жестокости мог соперничать с диким зверем, хотя жестокость его никогда не бывала бесцельной.

Когда-то (как им теперь казалось, много-много лет назад) восемь недотеп-новобранцев появились в Эске погожим летним днем в последний год правления принцепса Домициана⁸. Тогда их отдали под начало Валенса, «вечного» центуриона пятьдесят девятой центурии. Этих восьмерых посчитали обреченными, годными разве что на то, чтобы погибнуть в первой же схватке. Но они выжили (правда, не все), многому научились и даже кое-что важное сумели совершить, о чем, впрочем, особо не распространялись.

Троих они потеряли, но начальство так и не пополнило их контуберний, однако с каждым разом приказы они получали все более сложные. Сейчас у Куки имелось при себе письмо от легата Пятого Македонского, где было сказано, что все военные части Нижней Мезии обязаны оказывать всяческое содействие контубернию пятьдесят девятой центурии легиона. Боевые когорты легиона, как и сам легат, остались зимовать в Виминации вместе с основными силами императора Траяна⁹.

Когда весной огромная армия переправлялась по двум понтонным мостам на дакийскую сторону, все были уверены, что перед такой силой Дакия не устоит. Если прикажет император, римская армия сокрушит даже горы. Однако месяц проходил за месяцем, а известий о том, что царь Децебал сдался на милость победителя, так и не было. Зато ауксиллариям-галлам¹⁰, охранявшим бург, пришел приказ: следить за рекой, чтобы варвары с той стороны не попытались наладить переправу.

⁴ *Военный трибун* – старший офицер в легионе.

⁵ *Принципал* – младший офицер.

⁶ *Лимес* – укрепленная граница.

⁷ *Контуберний* – подразделение из восьми человек, именно столько помещалось в одной палатке. В центурии было десять контуберниев.

⁸ То есть летом 96 года н. э. Домициан – Тит Флавий Домициан (51–96 гг. н. э.), римский император 81–96 гг. н. э., младший сын Веспасиана. Домициан был убит в 96 году н. э.

⁹ *Траян* – Марк Ульпий Нерва Траян, 53 – 117 гг., император 98 – 117 гг.

¹⁰ *Ауксилларий* – солдат вспомогательных войск, обычно не гражданин Рима (если только не переведен из легиона

Наконец осенью заговорили о великой победе при Тапае. Где находится этот неведомый город, крепость или перевал, никто в бурге не ведал. Но вслед за донесением о победе в битве никаких сообщений о победе в войне не последовало¹¹.

О том, что армия Траяна вновь перешла Данубий и осталась зимовать в Виминации, в бурге узнали совсем недавно. Ауксилларии ждали возвращения боевых когорт в постоянные лагеря Нижней Мезии в надежде, что хотя бы в новом году гарнизон бурга сменят. Жить в лагере подле канабы не в пример удобнее, нежели торчать в башне, одиноко стоящей на берегу. Но теперь, когда в постоянный лагерь легиона из похода вернулись только те, кого сочли непригодными для грядущих битв, надеяться на скорую смену не приходилось.

А потом появился этот потрепанный в боях неполный контуберний. Но пришел он явно не на смену ауксиллариям. Да и вообще вид у них был странный – все они давно не стриглись и не брились, так что волосатостью напоминали местных гетов, что не подрезают ни волос, ни бороды.

* * *

Юноша-галл, сменившийся из караула, не отходил от легионеров ни на шаг. Они казались ему полубогами, спустившимися с Дакийских гор.

– А какая она, эта Сармизегетуза, столица Децебала? – спрашивал он всех по очереди.

Не иначе, она представлялась ему похожей на Рим, которого юный галл никогда не видел.

– Сбегай на ту сторону да погляди, – отозвался Кука.

– А ты меня возьмешь с собой? – не подумал смутиться мальчишка.

– Как звать тебя?

– Ингиторий.

– Так вот, если бы ты хоть немного подумал, Ингиторий, то сообразил, что мы не добрались до Сармизегетузы. Иначе ты бы не сидел сейчас в этом бурге, ибо граница в этом случае проходила бы совсем в другом месте, – насмешливо заметил Тиресий.

– А мне этот паренек нравится, – заявил Кука. – Надеюсь, в бою он такой же наглый.

Легионеры первым делом обустроились, а потом начали расспрашивать, не видел ли кто чего необычного в последние дни. Солдаты в бурге недоуменно переглядывались, отвечали: не видели.

Но гнусавый раб с таможенной станции сообщил, что замечал вечерами огни на той стороне реки. Раб был частым гостем в бурге, приторговывал копченой рыбой, у него всегда можно было достать кое-какую мелочевку, потребную в ежедневном быту, а не тащиться за всякой ерундой в Новы или Эск. Гнусавый утверждал, что видел раза три, не меньше, как с дакийской стороны на римскую в ночной темноте скользит быстроходная лодочка. Всякий раз лодка причаливала не у самой станции, а ниже по течению. Да и наблюдал лодку гнусавый раб мельком – когда луна выглядывала из-за туч. Не всякий бы и заметил такой челнок на воде, но – так утверждал гнусавый – глаз у него был наметанный.

за проступок). Ветераны-ауксилларии по окончании срока службы получали свидетельства о гражданстве, куда заносили и членов их семей, в том числе прижитых детей; могли занести и жену, но не обязательно. Иногда целое подразделение получало в награду гражданство досрочно за то, что отличились в битве.

¹¹ В первый год Первой Дакийской войны (101 год н. э.) Траян, пройдя по маршруту Арцидава – Берзобис – Аизис, дошел до долины реки Бистры, где, соединившись со второй своей армией под командованием Лаберия Максима, разбил Децебала в битве при Тапае (начало сентября). Но продвинуться дальше долины Стрея ему помешали наступившие холода. Армия повернула назад. Эти события описаны в книге «Легионер. Век Траяна».

Приск, выслушав раба, достал из кошелька медный асс¹². Раб глянул на монету и презрительно скривил губы. Приск усмехнулся и заменил медь на серебро. Денарий гнусавый¹³ соизволил принять, хотя не преминул сообщить, что предпочитает старые денарии республиканской чеканки, а не эти новенькие монеты, в которых и серебра-то, поди, не осталось. Всё нынче уже не так, как прежде, старится Рим, клонится к закату, хотя и надеются многие, что оденется старое древо Империи свежей порослью новой силы при нынешнем императоре Траяне.

О том, что творится на Дакийской стороне реки, римляне не ведали. Прежде новости из варварских земель наместнику приносили торговцы. И хотя греческие и римские купцы выше среднего течения Алуты забирались редко, все же кое-какие сведения просачивались из Дакии в Нижнюю Мезию. Но в пошлое лето даки запретили торговцам появляться на своей стороне, а смельчаки, рискнувшие пренебречь приказом Децебала, в Томы так и не вернулись. Так что в какой-то мере Данубий ныне напоминал стену, и что творилось за этой стеной, в легионе никто не ведал.

На следующее утро после прибытия в бург легионеры отправились на охоту. Но миновало четыре ночи, прежде чем Кука и Приск сумели захватить лазутчика живым.

* * *

Когда Куке что-то удавалось, он начинал сыпать словами непрерывно. Болтал обо всем, что приходило на ум. Так что по дороге в бург пришлось Гаю выслушать сотню проклятий в адрес местного климата, варваров и их хитрющего царя, засевшего где-то в горах, плюс немало едких замечаний в адрес Декстра, который так и не сумел создать нормальный отряд разведки. Не меньше едких упреков досталось императорскому племяннику Адриану¹⁴, мол, ведет себя Адриан совсем не так, как подобает хорошему патрону, забыл своих подопечных-клиентов – то есть контуберний Куки (подаренный Адрианом лично Куке роскошный плащ на лисьем меху, был, разумеется, не в счет).

Так что Приск почти обрадовался, когда из утреннего морозного тумана выступил знакомый бург. Большая каменная башня с навесными балконами из дерева стояла почти у самой воды в ста шагах от таможенной станции. В эту зиму здесь обитали пятьдесят человек солдат-ауксиллариев во главе с декурионом¹⁵. Сейчас на верхнем балконе расхаживали, проклиная морозы, двое, да еще два солдата мерзли внизу, в карауле. Один контуберний дежурил на таможенной станции, еще один отправился патрулировать берег. Человек шесть декурион послал в ближайший поселок за хворостом. Несколько больных или тех, кто сказался таковыми, грелись возле печурки на кухне слева от входа.

Нижний ярус бурга был разделен на четыре комнаты, каждая со своей кладовой. Первая комнатка – кухонька с печкой, зимой самое любимое и самое людное место в башне. Вторая – комната декуриона, и рядом еще две караульни. Одну из караулен декурион предоставил в распоряжение прибывших легионеров. Малыш установил здесь жаровню, возле которой троица разведчиков грелась, попивая разбавленное вино, когда удачливые охотники ввалились со своей добычей.

Пленника, не развязывая, положили на старое лоскутное одеяло, а Приск и Кука подсади вплотную к жаровне.

¹² Асс – медная монета. Четыре асса равны одному сестерцию.

¹³ Денарий – серебряная монета. Денарий равен четырем сестерциям.

¹⁴ Адриан – Публий Элий Траян Адриан, 76-138 гг. н. э., император 117–138 гг. н. э.

¹⁵ Декурион – глава городской администрации, обычно из бывших центурионов, вышедших в отставку. Также декурион – командир небольшого отряда.

– Не люблю я снег, ох, как не люблю, – пробормотал Кука, потирая ладони.

Затем он, сняв калиги и носки из толстой шерсти, принялся обирать с шерсти твердые катышки снега, и кидать их в угол – туда, где на кирпичках искрилась изморозь. Носки Кука обшил спереди и на пятках кожей, но все равно ноги мерзли. А ноги, как известно, у легионера на первом месте, чуть-чуть впереди желудка.

Этой зимой неаполитанец более других страдал от морозов. В начале зимы после возвращения из похода он почти месяц пролежал в лихорадке. Вот и теперь на холоде смуглая кожа Куки приобрела безжизненный серый оттенок, губы побелели. Даже подле жаровни ему никак не удавалось отогреться. Малыш, всегда готовый услужить друзьям, принес с кухни горячей воды и каждому долил в кубок.

– Ты мне вина подливай, а не воды! – возмутился Кука.

– Сегодня нам боги помогали, – сказал Тиресий, глядя на угли в жаровне своим особенным «пророческим», будто обращенным внутрь себя взглядом. – В нынешние времена это редкость.

– Боги помогали? Нам? – переспросил недоверчиво Кука. – Это как? Сидят они себе на Олимпе, жрут амброзию, а потом поглядели вниз и видят: Кука с Приском в дозоре уже в ледышки превратились, ни ног, ни рук, бедняги, совсем не чувствуют...

– Главное – уши к шлему примерзают, – вставил Приск.

Да, уши и щеки в мороз – это проблема. Но пришивать суконные «уши» к подкладке, как это сделал Малыш, никто больше не стал – уж больно смешно выглядело. Да и спадут скоро морозы. Наверняка.

– ...И вот заявляет Юпитер: дай-ка я этим бедолагам подсоблю, – закончил прерванную мысль Кука.

– Ты думаешь, случайно именно сегодня ночью выпал снег?

Приск развел руками, остальные промолчали: надо ж было такому случиться, что снег пошел как раз в четвертую ночную стражу¹⁶? С час валил стеной, а потом внезапно перестал. Сразу же сделалось светлее, и, хотя солнце еще не взошло, но на черной воде Данубия отчетливо проступила осыпанная снегом лодчонка с лазутчиком, что стремилась к южному римскому берегу. Если бы не снег, варвар наверняка бы проскользнул незамеченным.

Теперь пятеро легионеров пили разбавленное горячей водой вино и рассматривали пленника. Даку было лет двадцать шесть. Крепкий, сноровистый, он бы и с двумя легионерами вполне мог справиться. Только сеть ретиария позволила захватить его живым.

Приск осмотрел разрезанные веревки, покачал головой. На починку сети уйдет целый день, не меньше.

Гладиаторское искусство не для легионера. Но тренироваться бросать сеть левой рукой надоумил Приска капсарий¹⁷ в госпитале: надо было срочно разрабатывать руку после ранения, дакийский фалькс¹⁸ вспорол мышцы на плече чуть ли не до кости. Приск в легионе слыл искусным фехтовальщиком, его любимым оружием был кривой фракийский клинок, которым он пользовался не хуже гладиуса, а может быть, даже лучше. Отец учил его когда-то драться таким оружием. А настоящих ретиариев Приск видел только на арене амфитеатра. И вот теперь потихоньку осваивал работу с сетью.

Приск присел на корточки возле пленника, поднес к его губам глиняную кружку с горячим вином. Дак сделал глоток, облизнул потрескавшиеся губы.

– Еще? – спросил Приск на фракийском.

¹⁶ Ночное время делилось на четыре стражи. Продолжительность одной стражи три часа. Но надо учитывать, что римские часы зависели от времени года.

¹⁷ *Капсарий* – младший медик, что-то вроде фельдшера.

¹⁸ *Фалькс* – кривой фракийский меч, длинный клинок которого формой напоминал косу. Заточен был с внутренней стороны, загнут на конце. Рукоять подходила для того, чтобы держать фалькс двумя руками.

Пленник кивнул. Хлебнул жадно, но не проглотил, надул щеки, затем втянул...

Приск успел прикрыться ладонью, так что плевок не попал в лицо.

Легионер медленно выпрямился, отошел, плеснул водой из кувшина на руку, смывая вино, потом развернулся и саданул ногой пленника под ребра – как раз туда, куда и в первый раз. В этот раз удар вышел гораздо сильнее прежнего. Дак не удержался, охнул, а Приск отошел и уселся у огня, давая всем своим видом понять, что больше пленника допрашивать не намерен.

Его сменил Тиресий. Этот вина не предлагал.

– Зачем переправился? – последовал вопрос. – Кто тебя послал?

Дак прищурился, плотно стиснул зубы.

– Я так плохо говорю? Он не понимает? – обратился Тиресий к друзьям.

Малыш махнул рукой: чего спрашиваешь-то! У Малыша с фракийским всегда были проблемы. К тому же он постоянно путал слова северного наречия, на котором говорили даки, с южным – языком Мезии и Фракии.

– Всё он понимает, – отозвался Молчун. – Неужто ты забыл, Тиресий? Они все такие: пытай их, не пытай, ничего не скажут.

– Это, смотря кого пытать, – заметил Тиресий. – Если парень в войлочной шапке, то есть из знатных, из пилеатов, или комат¹⁹, но весь в шрамах и отметилах (значит, из царевой гвардии), – такого жечь огнем бесполезно. Ну а если обычный варвар, из низовий Алуты, из деревенских, может, и заговорит.

– А этот каков? – спросил Молчун, всегда задававший самые неудобные вопросы.

– Из гвардии Децебала. Не пилеат, дакийский плебей. Воюет давно, – вместо Тиресия ответил Приск.

– Шрамов на нем вроде немного, – заметил Малыш. – Как ты догадался? – Он всегда с восхищением слушал Приска, почитая того философом и почти мудрецом.

– Войлочную шапку не носит, значит, не из знати. Но дерется хорошо, – пояснил свою догадку Приск. – Меч и кинжал у него отличного качества. Да и груз, который он нес, не всякому доверят. И уж точно не доверят какому-нибудь саку из низовий.

– Пусть подумает. Жить захочет – заговорит. – Тиресий налил себе еще горячего вина, глотнул. – Он с той стороны, сейчас война, парень пробрался на наш берег тайком. Прибьем к кресту, никто не поинтересуется, за что и почему.

Молчун, обернув руку тряпкой, вытащил из углей обломок пилума, продемонстрировал всем ставший красным наконечник, потом наклонился и приложил раскаленный металл к бедру пленника. Тот стоически переносил пытку, лишь все плотнее сжимал зубы, пока они не начали скрипеть. В какой-то момент стало казаться, что во рту у него полно камней, и он их перетирает зубами.

– Наш новый Сцевола²⁰, – зло рассмеялся Тиресий. – Только мы его не отпустим в любом случае.

Варвар вряд ли слышал имя легендарного римского героя, но презрительный смешок Тиресия был красноречивей слов.

– Отвечай, зачем ты переправился на этот берег? – повторил Молчун вопрос товарища.

– Сдохни! – рявкнул дак.

– Придется еще подогреть парня. – Молчун вновь сунул обломок пилума в угли.

¹⁹ *Пилеат* – дакийский аристократ. Они носили «фригийские» войлочные шапки. В такой шапке изображен на колонне Траяна Децебал. Даков-простоллюдинов римляне называли коматами (комат означает «волосатик») за длинные волосы. Простоллюдины ходили с непокрытой головой.

²⁰ *Ларс Порсена* – легендарный этрусский царь, которого пытался убить Муций Сцевола во время осады Рима. Сцеволу схватили и, чтобы продемонстрировать свое бесстрашие, Муций засунул руку в огонь жаровни. После чего, говорит легенда, Порсена его отпустил.

– Ребята, он же ничего не скажет, – пробормотал Малыш. Здоровяк отвернулся, чтобы не смотреть, как Молчун жжет плоть раскаленным железом. И даже нос зажал пальцами, дышал ртом.

Во второй раз дак не выдержал пытки и заорал.

– Уже лучше, – одобрительно кивнул Тиресий. – Я же говорил, в этот раз нам повезет. Так куда ты направлялся, парень?

Однако ничего, кроме крика, перешедшего в низкий звериный вой, они не услышали.

Малыш отошел в угол и там скорчился, присев на корточки и закрыв голову руками. В такие мгновения он вспоминал, как пытали его самого, и смерть товарища летом на дакийской земле.

– Сизифов труд, – подытожил Приск. – Возможно, Молчуну эти вопли доставляют удовольствие. Но не мне.

– Ларс Порсена отпустил Сцеволу, – пробормотал Малыш из своего угла.

– Те времена давно прошли, – сказал Приск. – Никто больше не уважает мужество противника.

– Ларс Порсена отпустил Сцеволу, – повторил Малыш с угрозой и грохнул кулаком в стену, потом вновь прикрыл голову ладонями.

– Хорошо, отгащи парня в эргастул²¹, – вздохнул Кука. – А мы пока посоветуемся.

Молчун буркнул что-то неодобрительное и бросил обломок железа обратно в углы.

Малыш вскочил, подбежал к раненому и стал заворачивать пленника в лоскутное одеяло – эргастул был выстроен снаружи, рядом с конюшнями и отхожим местом. В такую погоду замерзнуть там ничего не стоило.

– Прежде чем развязывать ему руки, проверь, чтобы колодки надежно закрылись, иначе парень может освободиться, – крикнул ему в спину Приск.

– Проверю, – пообещал Малыш. И выволок пленника наружу, как ребенка.

– Да, варвар не больно разговорчив, – вздохнул Тиресий. – Наш Молчун рядом с этим даком прямо-таки Цицерон.

– Что будем делать? – спросил Кука. – У нас есть пленник, который не желает говорить...

– И мешок золотых браслетов, – сказал Приск.

Он развязал веревку трофейного мешка и выложил несколько браслетов на стол. Золото тускло заблестело. Со всех браслетов скалились волчьи морды.

– Заречная работа, – предположил Кука.

– Да уж, не греческая, это точно. Браслеты все одинаковые, это знак, – задумчиво проговорил Приск. – Браслеты тяжелые и золотые – значит, подкуп. Децебал хочет поднять восстание на нашем берегу.

– Когда? – Кука уставился на него с таким видом, будто Приск, а не Тиресий слыл в их контубернии прорицателем. Впрочем, в логических способностях Приска никто из его друзей не сомневался. Недаром именно ему, а не Куке, было обещано Адрианом звание центуриона.

– Не знаю. Но полагаю, что скоро. Местные общины нас не любят. Здешние геты поднимутся в любом подходящем месте, где есть что грабить, и не стоят наши когорты.

– В Нижней Мезии сейчас практически нигде нет войск, – напомнил Тиресий. – Боевые когорты Пятого Македонского остались в Виминации, а Первый Италийский охраняет склады в Понтусе и Ледерате да крепость в Дробете на том берегу. В провинции повсюду только ветераны да сосунки.

– Ниже по течению тоже видели лазутчиков, – напомнил Кука.

²¹ Эргастул – тюремное помещение для рабов.

Малыш вернулся, плеснул в глиняную кружку горячей воды из стоящего в углях кувшина, добавил вина, взял кусок хлеба.

– Решил подкормить бунтаря? – спросил Кука.

Малыш ничего не ответил и вышел.

Приск взял в левую руку свинцовый шар – из тех, что легионеры носили внутри щитового умбона²², и принялся сгибать и разгибать руку. Иногда морщился, но все равно продолжал упражнения. Вернуться бы в лагерь – там ему каждый вечер покалеченную руку разминал массажист. А тут, в бурге, один-единственный капсарий, да и тот по совместительству писец. Правда, изувеченные мышцы ему иногда массировал Кука, бывший банщик, и знающий в массаже толк не меньше, чем легионные лекари, но место к лечебным процедурам явно не располагало.

– А ведь Малыш прав, – вдруг сказал Приск. – Ларс Порсена отпустил Муция Сцеволу.

– Ты спятил, Гай? – Кука внимательно посмотрел на товарища, пытаясь определить, не шутит ли тот.

Приск отложил свинцовый шар, несколько раз сжал и разжал кулаки, потом посмотрел на свои ладони.

– У нас есть в бурге ауксиллярии из местных?

Кука выглянул на кухню, потом отрицательно покачал головой:

– Не видно. Ты же знаешь, как обычно поступают на лимесе: местных выпихивают служить куда-нибудь в Сирию, а к нам шлют галлов и варваров с востока. Ауксиллярии в здешнем бурге в основном все галлы.

– Ну, кто-нибудь, похожий внешне на фракийца? Или хотя бы кто говорит чисто на местном наречии? – продолжал допытываться Приск.

– Хочешь устроить фальшивый побег? – догадался Тиресий.

– Именно. Наш парень освободит ночью пленника и даже вернет ему золото. – Приск хлопнул по мешку, и браслеты зазвенели.

– Ты спятил? – такое предложение даже Молчуна заставило заговорить.

Остальные дружно подхватили:

– Ты спятил!

– Не всё золото, – Приск усмехнулся. Когда он начинал что-то объяснять, в его голосе то и дело проскальзывали менторские нотки. Будь Фортуна к нему более снисходительна, Гай Приск начал бы службу префектом, а то и военным трибуном, а не простым легионером, как теперь. С другой стороны, по милости Домициана он едва не лишился головы, так что для себя он так еще и не вынес суждения: ненавидит ли его Судьба или тайком все же помогает. – Больше половины браслетов мы оставим себе. А штук двадцать с мешком наш человек передаст беглецу – якобы всё, что удалось незаметно унести.

– Что дальше? – Кука еще не понимал, куда клонит Приск, но все привыкли, что именно Приск придумывает что-то интересное. – Допустим, парень удерет, и где прикажешь его ловить? «Эй! Дак! Покажись! Это мы, твои друзья, бесстрашный Сцевола!» – Кука очень ловко передал интонации Приска.

– Тиресий, ты у нас предсказатель, скажи, будет ночью и утром снег? – спросил Приск, будто и не слышал насмешек Куки.

– Не требуй от меня невозможного, – огрызнулся тот.

– Пока что небо ясное и холодает, – отозвался Молчун. – Вряд ли в ближайшее время потеплеет.

²² Умбон – металлическая выступающая деталь щита, прикрывал левую руку и позволял наносить удары по врагу.

– Ладно, неважно... Дарим парню лошадь, но сначала подковываем ее одной приметной подковой²³. Да так, чтобы подкова эта ненароком не отвалилась. Затем вычислим по следам, куда наш общий друг подался.

– И что потом? – Тиресию этот план явно был не по душе. – Ну, приедет он в какую-то деревеньку. И что?

– А в деревеньке бабы да девки, и дети, нашему парню наверняка родня. Есть за что ухватиться, чтобы любому смельчаку развязать язык, – поддержал товарища Кука.

– У тебя одно на уме, – сказал вернувшийся наконец Малыш. – Лишь бы за сиськи подержаться.

– Ты победил, образец добродетели и милосердия! – Тиресий шутовски склонил голову. – Наш Приск в роли царя Порсены.

– Что? – Малыш недоуменно заморгал.

– Мы устраиваем даку побег, – пояснил Тиресий.

– Послушайте, а зачем нам чужой фракиец, хотя бы и настоящий? Ему же еще надо втолковывать наш план и все такое... – оживился Кука. – Лишний свидетель и лишний язык. И претендент лишний на золото тоже, кстати. Пусть вон Малыш устроит парню побег. Опять же при его силе это безопасно – безоружный дак не сможет с ним ничего поделывать.

– Нет, – замотал головой Малыш и попятился в облюбованный угол. – Я не буду.

– Будешь.

– Я врать не умею. – Малыш рассерженно засопел, отчего сделался похож на медведя. За последний год он еще вырос и был теперь ростом почти что в добрые семь футов²⁴, а в плечах так широк, что в мастерской для него специально переделали лорику²⁵.

– Ты не ври. Говори искренне, что тебе жаль парня и ты хочешь ему помочь, – подсказал Кука.

– Не поверит, – засомневался Молчун.

– Поверит. Только не рассказывай, как тебя самого даки пытали, – настаивал Кука.

– Поверит, что ему помогают удрать. Не поверит, если вернем золото. Хотя бы часть, – скептически заметил Тиресий.

Да, в то, что римский легионер решил отдать кому-то добытое золото, в самом деле верилось с трудом.

– А ты вот что сделай, Малыш, – Кука с восторгом развивал предложение Приска. У них всегда отлично получалось работать вместе: Приск бросит какую-нибудь мысль, а Кука продумает детали и воплотит. – Шепни даку, что ты давний лазутчик Децебала. Одного, мол, в легионе раскрыли, вот ты и затаился.

– Напекаешь на знаменосца Мурену? – Приск поморщился, та история чуть не стоила ему жизни.

– На него, мерзавца, чтоб лежать ему вечность в стигийских болотах. Точно-точно. Про Мурену поведай. И про то, что он умер, ни одного имени не назвав. А еще скажи, что ты, Малыш, покойного Мурены племянник, – для надежности Кука тут же придумал товарищу родство с казненным изменником.

Малыш не отвечал, только сопел все громче.

– Дак предложит бежать вместе, – сказал неожиданно Молчун.

Все на миг задумались. Замечание показалось резонным.

Выход как обычно, нашел Приск:

²³ Римляне подковывали лошадей, но римские подковы не походили на современные.

²⁴ Т.е. ростом в 2 метра. Римский фут равен 0,296 м.

²⁵ Лорика – защитный доспех. У легионера наружная лорика из железных, скрепленных друг с другом полос. У центуриона – чешуйчатая, посеребренная. Часто использовалась и нижняя, кожаная лорика.

– А Малыш ответит, что поехал бы с превеликой радостью, да только лошадка у него дрянная. Кобылу мы подберем подходящую – старую да тощую. Ясно, что дак на такую Малыша с собой не посадит, потому как под нашим Геркулесом она тут же рухнет.

– Ну ладно. Этот тип убежит. А что дальше? – спросил Тиресий.

– Я же сказал: мы поскачем следом, переодетые в местную одежду. У каждого на руке будет золотой браслет. А там посмотрим. Думаю, парень – посланец, и поедет он от одной общины к другой, щедро сыпля золотом и передавая устные послания Децебала. Мы – за ним по пятам... Клянусь Геркулесом, кто-нибудь проболтается непременно, назовет и место восстания, и день.

– Или нас расколют в три счета, как гнилые орехи, и прирежут, – предрек Тиресий.

– Или убьют свои, – предположил Молчун.

– За что? За наши браслеты? Что это условный знак царя Децебала, ведаем пока только мы, – напомнил Приск.

– План – говно, – подвел итог Тиресий. – Но, если в эргастуле мозги у дака совсем смерзнутся, глядишь, и сработает.

* * *

– Ну, что, удалось?

Вопрос задали все хором, когда в предутренних сумерках Малыш вернулся в их общую комнату.

До этого товарищи могли лишь прислушиваться к тому, что происходит за стеной, да стоять недвижно наготове с оружием – на случай, если что-то пойдет не так.

Поначалу доносились голоса, шаги, Малыш говорил громким шепотом – чтобы его непременно слышали свои. Дак, как и предсказывал Молчун, предложил бежать вместе, но Малыш сказал только: погляди на скотину, и всякие прения по этому вопросу прекратились.

Снаружи промелькнула тень – варвар уехал.

Вернулся Малыш, поглядел на товарищей и подсел к жаровне, угли на которой уже давно покрылись золой.

– Он что-нибудь сказал? – поинтересовался Приск.

– Назначил мне встречу в таверне Брисаиса этим вечером.

– Ты согласился?

– Конечно. Обещал удрать днем. Меня, якобы, собираются послать в лагерь с донесением.

– Узнал хотя бы, как дака зовут?

– Сабиней.

Приск вышел из бурга. Небо быстро светлело. Снег казался синим, а лес вдалеке – серебряным с чернью. Когда-то Приск мечтал сделаться художником, вот и сейчас все увиденное тут же представилось ему только что написанной фреской... Приск вздохнул: хорошую фреску довелось ему исполнить лишь однажды – в усадьбе ветерана Корнелия.

– Он убежал? – спросил Ингиторий, молоденький галл-ауксилларий, высовываясь следом из двери.

Паренек все время вертелся подле легионеров, если не стоял в карауле. Вот и сейчас он очутился подле Приска. Ровно год назад галл дал присягу, но на летнюю кампанию на свое счастье не попал. И посему на тех, кто побывал на дакийском берегу – а эти пятеро побывали и рубились славно, так говорили в бурге, – смотрел с восхищением.

– Ты у нас легат легиона? Или наместник провинции, чтоб я тебе докладывал? – насмешливо спросил Приск.

– Нет, я просто так... нельзя разве... ребята же ничего не понимают, волнуются... Предупреждал ты, чтоб никто не понимал тревогу и дротики вслед не метал. Вот я и спросил... – парнишка окончательно смутился и поспешил сменить тему. – О вас пятерых говорят, будто вы лучшие солдаты легиона...

– Да, несомненно, мы лучшие из пятьдесят девятой центурии, – хмыкнул легионер.

Горькая шутка получилась – пятьдесят девятая центурия в любом легионе считается последней как по номеру, так и по качеству бойцов. Так что фраза «лучшие воины из пятьдесят девятой центурии» – звучала издевкой. Но, кажется, парнишка, не поняв иронии Приска. Разумеется, сам Приск считал свой контуберний лучшим. Недаром их называли еще «быками Декстра» и «славной восьмеркой», и сам Адриан, племянник императора, был у них патроном. Но за каждым из них была вольная или невольная вина, прегрешения юности или сомнительное происхождение, и с самого начала службы они считались подпорченным материалом. Таковым и оставались до сих пор.

Но ни о чем подобном юный галл не догадывался, и на пятерых солдат из Эска смотрел восхищенно снизу вверх.

* * *

Рано поутру все пятеро легионеров собирались в путь – только оделись они в варварские рубахи с длинными рукавами и широкие штаны, какие носят местные, закутались в меховые безрукавки и плащи. Оружие, правда, взяли в основном свое, римское (за исключением гетских кинжалов, который каждый выставил напоказ), а Приск вооружился к тому же фракийским мечом с кривым и коротким клинком.

– Ну, как, похожи мы на гетов? – спросил Кука.

Ингиторий потер нос, размышляя, и ничего не сказал.

– Не особенно, – истолковал его жест Тиресий.

– Мы уезжаем, но вернемся скоро, так что не спеши прощаться, – сказал Приск. – Но если на шестое утро Судьба не позволит нам вернуться, ты, Ингиторий, отвезешь в лагерь Пятого Македонского в Эск письмо, которое я тебе дам. Декуриона бурга я предупрежу.

– Я поеду с донесением? – у Ингитория от восторга округлились глаза. – Как настоящий бенефициарий²⁶?

– Ну, почти... – кивнул Приск. – Только запомни: главное – доехать.

– А вы что, оставляете щиты, лорики, шлемы? – изумился Ингиторий.

– За оружием вернемся. Если что пропадет из снаряжения, раскатаем твой замечательный бург по бревнышку, – предупредил Кука. – Так всем и передай.

Глава II Погоня

Январь 855²⁷ года от основания Рима. Провинция Нижняя Мезия

Следы на снегу виднелись отчетливо. Поскольку следы лучше всех читал Тиресий – его и поставили во главе отряда. Давно рассвело, когда легионеры выехали на дорогу, ведущую на Филиппополь. Тут появилась опасность, что отчетливый след одинокой кобылы уничтожит крестьянская телега, запряженная волами, или спальная повозка, везущая

²⁶ *Бенефициарий* – буквально «благодетельствованный», легионер по особым поручениям.

²⁷ Январь 102 года.

по своим делам богатого торговца. Но в это время года ездили тут, скажем так, редко. Поэтому Тиресий без труда отыскал отпечаток приметной подковы. А уж дальше скакали не сворачивая, лишь изредка поглядывая впятером – есть ли впереди знакомые следы. Впрочем, теперь не только о следах приходилось беспокоиться. Отряд из пяти местных парней (неведомо какой крови: то ли геты, то ли саки, то ли мятежные бессы), на конях да при оружии смотрелся странно. Особенно, если учесть, что принять этих пятерых за мирных крестьян мог разве что полный слепец.

Правда, Кука имел при себе письмо от легата Пятого Македонского, а Приск хранил под одеждой в кожаном футляре личное послание Адриана, но все ж холодило меж лопаток, когда впереди появлялись всадники. К счастью, все это были местные и все – поодиночке или по двое-трое. На странный отряд они поглядывали с явным одобрением, кивали иногда или даже подмигивали. Приск сдержанно кивал в ответ, Кука же принимался активно подмигивать и один раз даже поднял руку и как бы невзначай показал золотой браслет на запястье.

Крестьянин-гет, приторочивший к бокам старой лошаденки два кожаных мешка, а сам шагавший пешком, ухмыльнулся шире прежнего и сказал:

– Ждать недолго. Мороз крепчает.

Гет со своей кобылой двинулся дальше, а римляне, проскакав немного, остановились.

– Мороз крепчает? – спросил Кука, кутаясь в меховой плащ, подаренный ему Адрианом. – Ну и что?

– Нет, – вдруг сказал Приск.

– Что нет? – уставился на него Малыш.

– Я ошибся.

– Кто бы сомневался! – хмыкнул Тиресий.

Но Приск не обратил внимания на язвительную усмешку.

– Мы разгадали только часть плана. Грядет не только восстание среди местных. С той стороны по льду переправятся варвары. Они только и ждут, когда река встанет. И тогда непременно пожалуют.

– Вот же лысая задница, – пробормотал Кука.

– Слава бессмертным богам, мы теперь знаем, когда начнется большая драчка, – подвел итог Тиресий.

– Поворачиваем обратно? – спросил Малыш. Ему эта затея с побегом не нравилась все больше и больше.

– Нет. Мы не знаем еще, где они ударят.

– Я-то думал, зимой, если что, Децебал попрет на лагерь Четвертого легиона у Берзобиса на той стороне, или на Виминаций двинется, – пробормотал Кука.

– Ну, если ему жить надоело, он именно так и поступит, – отозвался Приск. – Я-то полагаю, что он появится где-то здесь, в Мезии, и нам надо срочно узнать, где.

Легионеры переглянулись и без особой охоты поехали дальше. Один Молчун торопился вперед.

– Будет потеха, – приговаривал он, понукая свою кобылу.

Внезапно Тиресий остановился.

– Ну, что еще? – раздраженно спросил Кука.

– А ведь парень не солгал: он к этой самой таверне Брисаиса едет, – сказал Тиресий. – Убедил ты его в своей искренности, Малыш.

– Ну и отлично, – отозвался тот. – Значит, можем поторопиться.

– Сначала надо план разработать, – решил Кука.

– Мы же уже все разработали, – хмыкнул Тиресий.

– А насчет самой таверны?

Совещались недолго. Решено было, что заедут на дорожную станцию, где обычно военные меняют лошадей и где непременно стоит римский караул, разузнают, что и как, потом первым в таверну пойдет Малыш, скажет Сабинею, что явился на встречу. Если через четверть часа Малыш не выйдет, в таверну отправится Приск. Лицо спрячет под капюшоном и, стараясь не светиться, посмотрит, что там и как. За ним следом – остальные трое. Все будут делать вид, что друг с другом не знакомы. Правда, Сабиней их прежде видел – но видел в лориках, в шлемах, а не в толстых войлочных или меховых плащах, под капюшонами которых и лиц-то не разглядеть.

– Хороший план? – Кука приосанился.

– Другого все равно нет, – заметил Тиресий.

* * *

На перепутье, где из камня и кирпича сложена была римская дорожная станция, останавливались купцы да почтари – из тех, что спешили либо в Филиппополь, либо к побережью Понта. На станции дежурили несколько ауксиллариев из Сирии для охраны, на местном наречии знавшие лишь два десятка слов. Стационарии²⁸ заняты были в основном тем, что встречали и провожали мчавшихся по дорогам почтарей, да следили, чтобы лошадей меняли лишь по императорскому диплому²⁹, а не всем, кому в голову взбредет. При станции имелись таверна и гостиница в доме с конюшней. Таверну держал местный гет Брисаис.

Подъехав к станции, легионеры увидели лишь двоих сирийцев подле ворот – дети знойной страны были укутаны в два или три плаща каждый, но все равно мерзли. Остальные и вовсе не казали носа из казармы.

Приск заглянул внутрь. Мальчишка-раб посыпал двор перед конюшней соломой.

– Топайте отсюда! – буркнул ауксилларий, мельком оглядывая вновь прибывших из-под низко надвинутого капюшона. – Надоели! Без диплома никого не пущу.

– Где тут можно лошадей поставить и переночевать? – спросил Приск, коверкая в силу своей фантазии латынь на местный манер.

Караульный на миг оживился, сдвинул капюшон на затылок и внимательно взглянул на Приска. Что-то в настороженном взгляде его темных глаз встревожило легионера. Но взгляд ауксиллария тут же угас, капюшон вновь скрыл лицо, а голос по-прежнему был равнодушно ворчлив:

– При таверне конюшня. Там и комнаты на ночь сдают. Станция только для императорских почтарей! Здесь вам лошадей не сменят.

Сириец отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Легионеры отъехали в сторону, а Малыш направился к таверне.

Таверна, хотя и числилась при станции, но стояла поодаль. Солдаты и стационарии не доверяли местным и старались держаться с ними врозь.

Первым делом Малыш кликнул конюха и велел поставить лошадь в стойло, сам заглянул следом, делая вид, что не доверяет мальчишке уход за своим жеребцом. Пока все шло по плану: подаренная беглому даку лошадка устроена была в стойле и мерно хрупала сено. Малыш щедро бросил мальчишке медяк и вошел в общую обеденную залу. Первым делом легионер отметил, что ни рабов со станции, ни ауксиллариев в заведении Брисаиса нет. В большом темном помещении, скудно освещенном красноватым огнем пяти или шести масляных светильников, сидели лишь местные, которых независимо от их роду-племени

²⁸ *Стационарий* – служащий, отвечавший за работу почтовой станции.

²⁹ *Диплом* – в описываемую эпоху это слово (лат. *diploma*) могло означать и подорожную, и мандат, и верительную грамоту (от последнего значения, кстати, произошло современное слово «дипломат»).

легионеры называли фракийцами. Малыш был одет как варвар, у пояса красовался солидный кривой кинжал, рукоять же привычного гладиуса надежно скрывал толстый шерстяной плащ. Усы и бороду Малыш отпустил уже два месяца. В полутьме этот фокус, достойный сатурналий³⁰, похоже, удался.

Малыш огляделся.

Беглого дака в таверне не было видно. Малыш еще немного покрутил головой и подошел к хозяину, что возвышался за прилавком, устроенным на римский манер – с термополиумом³¹.

– Тут это... мой брат Сабиней меня ждет, – сказал Малыш громким шепотом, покашливая при каждом слове, чтобы скрыть акцент.

– Сабиней?.. Ах да, Сабиней... Так он шепнул, что ты должен мне что-то показать, – хозяин кивнул кому-то за спиной Малыша.

Малыш нахмурился, соображая, на что намекает хозяин.

Потом догадался, вытянул руку, в тусклом свете очага блеснуло золото браслета.

– Садись! – Брисаис указал на скамью. – Есть будешь? Присяная каша с оливковым маслом, отличная кстати.

Малыш взял тарелку с кашей.

– Так ты позовешь Сабиней? – спросил, расплачиваясь с хозяином.

– Может, и позову. Мясa?

Не дожидаясь ответа, отрезал от туши, что жарилась над очагом, полосу горячего мяса. Малыш достал из дорожной сумки бронзовую ложку и принялся есть.

– Данубий уже к завтрашнему утру встанет, – говорил за соседним столом широкоплечий лохматый парень, оглаживая двумя пальцами усы так, чтобы они спускались с уголком рта двумя змейками. – Сегодня на лодке на тот берег не дойти – одна шуга.

– Завтра еще холоду надаст, – отозвался его собеседник. – Старики говорят, зима грядет лютой...

Был он уже сед, во рту мелькал один-единственный желтый зуб, лезущий наружу, как плохо забитый в стену гвоздь, но относить себя к этим самым «старикам» дедок, видать, пока не торопился.

Неожиданно дверь распахнулась, и в таверну вошли четверо легионеров во главе с Кукой. Малыш едва не выронил ложку и невольно привстал. Приск подошел к термополиуму, а остальные неспешно огляделись и направились к столу Малыша. Тот понятия не имел, как себя вести: то ли разыгрывать чужака, как было уговорено, то ли плюнуть на все дурацкие игры и признать своих.

– Сабиней смылся три часа назад, – шепнул Тиресий, снимая кинжалом кусок мяса с тарелки Малыша и отправляя сочный кусок себе в рот.

– Я же видел его кобылу в конюшне, – растерялся Малыш.

– Мы тоже видели, – кивнул Тиресий. – Да только Приск перекинулся с конюхом парой словечек. Тот и сказал, что дак пробыл в таверне всего-то с полчаса, потом взял добрую хозяйскую кобылу и ускакал.

– Куда? – зачем-то спросил Малыш.

– Дальше на восток.

Приск принес кувшин вина, большую тарелку с мясом на всех и горячую лепешку.

Малыш вдруг понял: он несказанно рад тому, что встреча не состоится. Все эти игры в своих и чужих его угнетали.

³⁰ *Сатурналии* – римский праздник с 17 по 25 декабря, когда слуги и господа ели за одним столом, да еще господа прислуживали слугам. Все были равны, все менялись одеждой. Сатурналии – предшественник маскарада, карнавала.

³¹ *Термополиум* – кирпичный прилавок с печкой и углублениями под горшки с похлебкой – чтобы пища всегда была горячей.

– По тонкому льду никто не пойдет... Нужно, чтобы несколько дней мороз постоял, и лед как следует naros, – рассуждал тем временем по соседству лохматый фракиец, даже не утруждаясь понизить голос.

– В прошлом году я пытался на ту сторону переправиться по льду, но так и не сумел, – сказал Тиресий громко.

– Тот год не чета нынешнему, – повернулся к переодетому римлянину лохматый.

Будто ненароком Тиресий тряхнул рукой, поднося чашу к губам, рукав туники сполз, сверкнул на запястье золотой браслет. Сидевшие за соседним столом фракийцы переглянулись. Варвары (все трое) были немолоды, темны волосом, видом и статью походили на матерых секачей. У одного из спутанных усов торчали крупные желтоватые зубы – так что сходство делалось почти комическим. К тому же казалось, что фракиец постоянно усмехается.

– Осторожней, парень, – остерег «секач». – Не надо раньше времени золотом трясти. А то римские собаки догадуются.

– Недолго ждать, – фыркнул другой. – И десяти дней не пройдет.

– Все равно молчок. Пусть дрыхнут в неведении, пока мы им глотки жирные не пере-режем.

– Они же успеют в лагерях своих запереться, – на свой страх и риск продолжил спор Тиресий.

– Не успеют. Потому как всюду воины Децебала ударят. По всему Данубию-Истру – отсюда аж до самых порогов³². Всё запыляет, вся Мезия!

– Что им сдохнуть! – рявкнул с неожиданной яростью Приск.

– Десять дней! А я слышал – раньше их всех вырежем. – Кука тоже решил сыграть свою роль в спектакле.

– Все теперь зависит от реки! Воззовем к Данубию-Истру, чтоб помог нам! – Лохматому, похоже, очень хотелось выглядеть знатоком в этом вопросе. – А ты как думаешь, Эпикрат? – обратился он к парню в сером плаще, что тихо переговаривался о чем-то с хозяином через термополиум. – Эй, Эпикрат, что молчишь?

Лохматый все больше горячился, будто только от него зависело, где и когда начнется зимний рейд армии Децебала.

– Тише... – вдруг шепнул одними губами Приск и ухватил Малыша за локоть.

– Что стряслось-то? – Малыш завертел головой.

– Мы в логове Немейского льва, – оскалился Приск.

Малыш невольно поежился. Он и сам уже ощутил всю натянутость происходящего – наглухо закрытые (или даже заколоченные?) окна, тусклый свет, обилие гостей в этот ранний, в общем-то, час, и вставших у входа двух парней – каждый мог помериться с Малышом и ростом, и шириной плеч. Вдруг каким-то тревожно-красным показался блеск светильников, а струи дыма, что медленно крутились в тяжелом и влажном воздухе, – слишком густыми.

– Пора уходить. – Приск поднялся.

В этот момент стоявший возле термополиума молодой варвар в сером плаще резко обернулся, его глубоко посаженные глаза хищно блеснули. А следом сверкнул выхваченный из ножен клинок.

Казавшийся совсем недавно блестящим план теперь выглядел, мягко говоря, не ахти. Входная дверь таверны оказалась как-то несоразмерно далеко – будто некий титан хлопнул в ладоши и вытянул здание в длину, но при этом чудесным образом не ужал. Лица за столиками посуровели и умножились – сразу человек пять вышло из задней комнаты.

³² Пороги – имеются в виду «Железные врата» на Дунае.

– Римляне! – крикнул парень в сером плаще, которого лохматый назвал Эпикратом. – Не двигаться. Или умрете!

Охотники разом превратились в дичь, дверь сделалась еще на сотню шагов дальше.

– Мы свои... – вякнул Кука.

– Это переодетые римляне! – кинжал сероглазого нацелился издалека Куке в лоб.

– Зароем! – взревели те трое, что так походили на секачей.

– Дверь запереть! – приказал Брисаис.

– Погодите! – Кука еще на что-то надеялся. – Мы проголодались, зашли перекусить...

– Не брешите! – оборвал его Эпикрат.

Парень шагнул вперед, откинул капюшон плаща. Черные вьющиеся волосы и нос явно были греческими, а вот овал лица, нижняя челюсть, глаза, рот – дакийские. Как будто Вулкан шутя соединил две разные формы отливки – эллинскую с варварской – и решил поглядеть, что получится от подобного совмещения.

– Не брешите! – повторил полугрек. – Язык у тебя лживый. Вы пытали Сабинея, вы явились за ним. Теперь мы будем пытаться вас. Долго. И тоже каленым железом.

– Какой Сабиней, не знаем никакого Сабинея, – забормотал Кука, лихорадочно оглядывая таверну и пытаюсь сосчитать сидящих. Ясно было, что как только Эпикрат подаст знак, в драку ринутся все. Силки были расставлены заранее, и Кука сотоварищи попались в них, как наивные кролики.

– Лживые римляне! Браслеты эти сворованы! За все заплатите! За все! – страсть витийствовать, доказывая свое превосходство, была у полугрека в крови.

Пока Эпикрат разглагольствовал, Тиресий, на лице которого не дрогнул ни один мускул, не поведя плечом, работая одними пальцами, выбирал из мешка под плащом свинцовые шары и так же одними пальцами да поворотом кисти устраивал их меж собой и Молчуном на скамье. Молчун видел краем глаза приготовления товарища, но сидел, не шелохнувшись. Молчун умел кидать эти шары, как левой рукой, так и правой с одинаковой силой. И если попадал в голову или в область сердца, то убивал наповал. Сейчас у него вздрагивали от возбуждения ноздри: любой бой Молчун называл потехой, запах крови его волновал, как дикого зверя. Из всего контуберния война ему больше других пришлась по вкусу.

– Вы сюда вынюхивать да высматривать приехали, – продолжал разоряться полугрек. – И много вынюхали? Да что нюхать-то? Неужели не в силах сообразить сами: скоро по льду сюда придет огромная армия – все заречные явятся. Саки, бастарны, роксоланы, даки, костобоки. И нагоняющий на вас смертный ужас Децебал пожалует. Никто его не остановит. Всех римлян пережуют как скот.

Если велеречивость в нем была греческая, то бесшабашная надменность, несомненно, от дака. В миг опасности просыпался в этих варварах волчий дух дикого предка. Им не просто хотелось убить жертву, но еще и раззадорить ее, не просто позлить – а взбесить. Потому-то и был полугрек столь откровенен с обреченными на смерть, дабы те ощутили отчаяние в полной мере – каково это: все разведать, все вызнать, и не мочь сообщить своим!

Легионеров было пятеро. Посетителей таверны вместе с хозяином и парнями с кухни не меньше пятнадцати. Неравный бой, как ни считай!

– Взять! Живыми! – Эпикрат наконец ткнул в воздух кинжалом, посылая своих людей в бой.

Тиресий тут же метнул свинцовый шар ближайшему фракийцу в лицо. Угодил в нос – раздался хруст ломаемой кости. Человека опрокинуло. Молчун тоже швырнул свинцовый снаряд и тоже попал. В следующий миг варвары взревели, кидаясь в атаку. Приск обнажил меч. Малыш схватил скамью и грохнул ею, норовя припечатать всех троих соседей сразу. Двое ускользнули. Третий тоже сумел бы спастись – да помешал столб, подпиравший крышу. Скамья настигла бедолагу и заставила осесть на пол – навсегда.

Приск тем временем уже бился с Эпикратом. Впрочем, бой был недолгим. Удар, блок, опять удар, и все кончено – клинок Приска вспорол полугреку горло. Еще двое пали под мечами Куки и Молчуна. Теперь операцией руководил хозяин. Бой близкий, когда не размахнуться, не ударить как следует. Как раз в духе римлян – они привыкли колоть, а не рубить, тем более что все, кроме Приска, захватили с собой гладиусы. То один, то другой их противник валялся от раны, если не смертельной, то очень опасной. Но все равно время работало против римлян. Рано или поздно римляне устанут и начнут пропускать удары. Рано или поздно, так думали фракийцы. Или не думали, а лезли вперед, напрямиком на клинки.

Парнишка, сын Брисаиса, стал ворошить печь, чтобы набрать углей в медный ковш для воды, но Тиресий, сообразив в чем дело, попросту пнул парня под зад, и тот влетел головой в раскаленный зев печи. В следующий миг недотепа выпал наружу, хватаясь руками за пылающие волосы и визжа от нестерпимой боли. Пол был земляной, рассыпанные угли лишь дымили, не в силах ничего поджечь.

Кто-то из варваров выбил ставню в оконце, от холодного воздуха огни в светильниках заколебались, заметались по стенам тени.

Никто не помнил, когда все переменялось. Просто в какой-то момент римляне обнаружили, что вот-вот сравняются числом с варварами. Несколько человек из нападавших были ранены – их можно было больше не брать в расчет: они либо сидели, привалившись к стене, либо лежали. Кто-то выл совсем по-волчьи (довольно жалобно), другой глухо стонал. Молчун перепрыгнул через термополиум и заколол Брисаиса.

После этого роли окончательно переменялись, дичь стала охотником, нападавшие – добычей. Началось избиение: ни одного варвара из таверны нельзя было упустить, уничтожить придется всех – чтобы никто не мог предупредить своих о том, что римляне узнали день, когда даки-волки пожалуют из-за реки. Задача нелегкая, но выполняемая, тем более что хозяин приказал запереть таверну. Молчун, прыгая по столам, добрался до двери, заколол парня, что пытался вынуть замыкающий брус, и встал здесь, чтобы никто не выбрался наружу.

С каждым ударом римляне хмелели от крови. Били, резали, выполняя привычную работу, – ни одного лишнего движения. Молчун уже не просто разил, но и грыз зубами. Тиресий, оскользнувшись в крови, катался по полу, сцепившись с одним из «секачей». Никто из римлян уже не замечал ран, не слышал криков. Важно было одно: убить всех. И они убивали. Резали до тех пор пока на ногах не остались лишь они – впятером. Все остальные лежали либо на полу, либо на столах и скамьях. Один распростерся прямо на термополиуме, уже не замечая жара печи.

Молчун обошел таверну и прирезал раненых, как режут скот – деловито и быстро, не мучая, не давая лишний раз крикнуть. С мертвых снял золотые браслеты, а они нашлись у всех, кроме сына хозяина.

– Что теперь? – спросил Кука, оглядывая побоище.

Он взял со стола кувшин с вином и принялся жадно пить.

Малыш сидел на скамье, закрыв лицо ладонями, стараясь не смотреть на убитых. В драке он был яростен, но лишь кончалась заварушка, как вид трупов вызывал у него дурноту, будто он заново переживал все эти смерти, будто впитывал огромным телом грядущий холод Аида. И он по-прежнему не мог видеть, как добивают раненых. Кука сунул в ладони Малыша кувшин с вином: мол, на, выпей. Тот взял, глотнул, и его вырвало.

В это время Приск выволок из задней комнаты двух женщин: уже немолодую тетку и девчонку лет тринадцати. Увидев повсюду кровь и мертвецов, они обнялись, да так и застыли, лишь вздрагивая, не то от слез, не то от ужаса. Верно, уже не чаяли уцелеть. Обе были явно из прислуги, скорее всего, рабыни.

– Надо прирезать, – решил Молчун.

Младшая взвизгнула, а старшая, оттолкнув девчонку, тут же принялась с готовностью задира́ть длинную юбку, обнажая крепкие белые бедра.

– Возьмем с собой в бург, – возразил Приск.

– С бабами возиться – только время терять. – Говоря это, Молчун обернул тетку лицом к стене, а сам пристроился сзади. Времени он в самом деле не терял.

– Возьмем в бург, – повторил Приск. – Или еще кровью не напились? Все равно нам придется туда возвращаться – за оружием. Предупредим наших, и тут же в лагерь. Теперь мы точно знаем, сколько осталось дней до вторжения и каков будет знак для тех, кто готов присягнуть Децебалу.

– Знак чего? – спросил Тиресий. – Бунта или просто покорности перед Децебалом?

– Восстания, – отозвался Приск. – За покорность не платят золотом.

– Молчун, кончай быстрее! – рявкнул Кука. – Нам отсюда выметаться пора. Я не хочу объяснять сирийцам, откуда здесь гора трупов. Берем с собой женщин и уходим.

Приск первый выбрался наружу через дверь кухни, хотя он-то был уверен: никто из ауксиллариев с дорожной станции не придет проверять, что за крики слышались в заведении Брисаиса, почему с утра такой шум? Странное любопытство караульного вкупе с напускным равнодушием сделалось теперь понятным: сирийцам наверняка заплатили за то, что фракийцы разберутся «со своими» – за конокрадство, воровство лодок, или порченное зерно – одному Меркурию-жулику ведомо, какую причину придумал хозяин таверны. Бездельники-ауксилларии наверняка и мзду получили с Брисаиса. Что же, хитрый кабатчик сам свою смерть оплатил сполна.

Но все равно Кука прав – задерживаться в таверне не стоило. Не солдаты, так местные пожалуют.

Глава III Дак

Январь 855³³ года от основания Рима. Берег Данубия между Новами и Эском

Сабиней родился на правом, римском берегу реки, здесь у него жили отец и старшие братья, но не виделись они долгих десять лет. Десять или одиннадцать, – прикидывал беглец по дороге? Выходило все-таки десять.

На дакийский берег еще мальчишкой он попал не по своей воле. Просто однажды к ним в деревню приехал суровый воин с непокорной гривой желтых волос и мрачным, истинно волчьим взглядом исподлобья. Он о чем-то долго беседовал с отцом, а потом гость подозвал Сабинея, положил ему руки на плечи и сказал: «Ты теперь мой сын».

Выяснилось, что желтоволосый – родной дядя Сабинея, звать его Таур, и так вышло (как именно, дядюшка рассказывать не стал), что вся семья его погибла. Оставшись один, вспомнил Таур о родственной крови, приехал просить одного из племянников себе в сыновья. Отец не отказал, выбор пал на младшего, Сабинея, своей дикостью и дерзостью парнишка мгновенно купил сердце заречного варвара.

«Настоящий волчонок, а вырастет из него матерый волчище!» – приговаривал желтоволосый Таур.

Сабиней с радостью согласился отправиться на другую сторону реки. О царстве Дакийском ходили рассказы самые удивительные. Будто на той стороне новый царь, прежнему не чета, и тот, кто ему служит, одним этим счастлив.

³³ Январь 102 года.

Дакия маленького волчонка не обманула. Дядя увез Сабинея в дивный таинственный край – где среди гор таились в земле опасные и роковые провалы, ведущие в лабиринты глубоких пещер, где ручьи обрушивались на камни шумными водопадами, вода всегда холодна, солнце обжигает, ветер норовит столкнуть в пропасть, но где каждый день обещает что-то новое, дерзкое. С Тауром он жил в крепости на Красной скале³⁴, что стерегла долину Лункани и подходы из долины Стрея и откуда видно было каждого, кто пытался пройти к столице Децебала Сармизегетузе с запада. Скала, на которой высилась крепость, в самом деле была красной – чудилось, что меж складок серого камня проступают капли крови, и вся скала сочится алым.

В первый день Сабинею показалось, что они с дядей долго-долго поднимаются по крутому склону, по коричневой рыхлой земле, где почти не было травы, и лишь кое-где зеленели мелкие кустики орешника да на серых камнях пробивался мох. Буковые деревья стояли редко, поэтому Сабиней издали различил частокол первой цитадели. Перед ними открыли двери, и дядя с племянником стали подниматься по мощеной дороге, которая больше походила на лестницу. В крепости жили только царские воины с семьями. Рядом не было ни крестьян, ни охотников – вообще никаких селений.

Потом они стояли с дядей на одной из пяти каменных башен Красной скалы, и Таур, указывая на запад, говорил:

– Вот оттуда римляне могут прийти, но они никогда не подберутся незамеченными. А вон там, – теперь дядя указывал на юг, – стережет путь к столице другая крепость – Банита³⁵. Ты хочешь быть царским воином, Сабиней, беречь сердце Дакии от ее врагов?

Мальчишка цепенел от восторга, глядя на покрытые лесом горы, и кивал в ответ.

Через полгода ему уже казалось, что он родился и вырос в этих местах. Как и все мальчишки его возраста, Сабиней отныне именовал себя волчонком. Среди сыновей царских воинов у него тут же нашлись друзья. Он вместе с ними охотился, лазал по горам и учился биться фальксом.

Обряд посвящения в воины он прошел вместе со всеми – мальчишкой заполз он в логово волка, где на земле валялись кости, и запах гниения и смерти смешивался с парами серы, а вылез из пещеры преобразенным. Он пил кровь, ел сырое мясо, и в порыве яростного безумия выгрызал в человеческом теле кровавые раны. Он вырвался из волчьего логова вместе с остальными – окровавленный, позабывший прежнюю жизнь, переродившийся. Он был уверен, что там, в полумраке пещеры, когда сверху дробно падала вода и белыми волчьими зубьями из желтоватых камней вздымались сталагмиты, ему в самом деле довелось обратиться зверем. И если отныне он почует запах человеческой крови, если снова придет в ярость и бешенство, то обращение состоится вновь.

Он бы и вчерашним ранним утром у реки непременно перекинулся зверем, если бы бой с римлянами продлился хоть на несколько мгновений дольше, если бы его не опутали предательской сетью! Но бой был краток, и Сабиней не успел ничего сделать! Его и поймали как зверя – Сабиней слышал, что разжиревшие римляне уже не охотятся вовсе, а привозят в свои города диких зверей из разных уголков земли и, сидя на скамьях – вот уроды! – глядят, как специально обученные бестиарии³⁶ убивают волков и медведей зри-

³⁴ *Красная скала* – Пятра Рошие – одна из крепостей Трансильвании, прикрывавшая столицу Дакии с запада. Построенная на скале высотой 831 метр над уровнем моря, она находилась в самом конце долины реки Лункани (притоке Стрея) и стерегла выходы из долины Стрея (см. карту в конце книги).

³⁵ За исключением Сармизегетузы нам неизвестно, как даки называли свои крепости. Умер фракийский язык, с ним вместе исчезли и дакийские названия. В романе приводятся современные названия: Костешти, Блидару, Банита, Пятра Рошие (Красная скала), Фетеле Альбе, Тилиска. О системе укреплений Трансильвании см. приложение в конце романа.

³⁶ *Бестиарий* – гладиатор, сражавшийся с дикими зверями.

телям на забаву, как из вспоротого чрева свиньи вываливаются крошечные нерожденные поросята, – сидят и наслаждаются этим зрелищем, обжираясь колбасами и опиваясь вином.

Ну что ж, случается, дикий зверь ломает клетку и вырывается на волю. Сабиней вырвался – добыча явно оказалась римлянам не по зубам.

Что легионеры его обманывают, он понял сразу, хотя здоровяк с наивным, немного детским лицом вполне искренне бормотал, что не терпит пыток и крови. Сабиней взял у него баклагу с вином и хлеб, позволил разомкнуть кандалы и выпустить себя из эргастула. Напасть или разоружить здоровяка Сабиней не решился – он замерз, руки и ноги едва повиновались, а рана на ноге жгла так, будто проклятый палач забыл в ней обломок раскаленного пилума. Посему дак лишь зыркал по сторонам, старясь в деталях запомнить укрепления бурга: где караульня, где хранится оружие, и насколько прочны ворота. Сабиней даже сам не смог залезть на лошадь – римлянин подсадил. Мешок из предательских рук взял – глупо было отказываться. При этом отметил (и усмехнулся про себя), что римляне мешок ополовинили. Да что там ополовинили – хорошо, если треть браслетов оставили. Но опять же выхода не было, поэтому Сабиней, скорее даже не всерьез, а вроде как в шутку предложил римлянину бежать вместе. Тот перепугался, забормотал что-то про лошадь... Сабиней не стал слушать, ударил ногами клячу, и та потрусилась в ночь.

Беглец сразу же решил, что поскачет в таверну Брисаиса, где была назначена встреча, на которую он почти на сутки опаздывал, чтобы увидаться там с Эпикратом, нагловатым и глуповатым полукровкой, внуком архитектора-грека из Костешти. Молодого Эпикрата Сабиней терпеть не мог, но полукровка умел болтать как истинный грек и посему без труда пробился в свиту Диега, царя брата. После встречи с Эпикратом, сменив лошадь, надо было мчаться дальше – в родную деревню, которую Сабиней уже давно даже мысленно не называл родной.

Легионеры, конечно, увяжутся следом, в этом сомневаться не приходилось. Но у Эпикрата должно быть в достатке людей, чтобы перебить погоню и попытаться захватить кого-то из римлян живым. Что это какие-то особые легионеры, обученные добывать сведения, Сабиней без труда понял из их разговоров – он хорошо знал латынь, хотя и говорил с акцентом. И что из этой пятерки тот черноглазый парень, что постоянно разминал левую руку, самый опасный – Сабиней тоже понял без труда.

* * *

До родной деревни беглец добрался только на другое утро. К этому времени он уже не мчался галопом, а ехал неспешно шагом – уставшая лошадка послушно трусила туда, куда направлял ее всадник. Подаренный Эпикратом плащ из огромной волчьей шкуры согревал до жаркого липкого пота. В таверне посланцу из-за реки дали еще и мягкие кожаные сапожки – изрядно разношенные, но теплые, иначе беглец давно бы отморозил ноги.

Когда Сабиней увидел знакомый курган, а за ним – крыши, то понял: родное селение рядом. Говорят, в кургане этом похоронен какой-то древний царь вместе с женами и слугами и любимым конем, вот только имя царя ныне живущие давно позабыли.

За десять лет, что Сабиней не был дома, все переменилось. Когда-то стоял тут на невысоком холме один большой дом, в котором, во времена уже недостижимо далекого детства распоряжался суровый и страшный дед. Впрочем, дом сохранился – потемневший, с покосившейся почерневшей соломенной крышей, которую давным-давно никто не обновлял, с полегшими жердинами ограды. Прежде ограда тянулась на много-много шагов вокруг многочисленных конюшен, сеновалов, зерновых ям. Теперь же она стерегла лишь боковину старого жилища. Зато плоскую вершину холма ныне пересекала улица, и вдоль нее стояло сразу несколько просторных домов. Один, уже достроенный, подведенный под крышу, осталь-

ные – еще только-только заложенные, не обретшие не только крыш, но и стен. А между ними кое-где выглядывали полуземлянки с обмазанными глиной стенами и соломенными крышами. Глина от времени обвалилась, обнажая жалкие покосившиеся плетни. В домах этих кое-как ютились жители, переживая, вероятно, не последнюю зиму перед вселением в новые хоромы. Ясно было, что замахнулись они на непосильную стройку, насмотревшись на усадьбы римских поселенцев, но ни денег, ни времени, чтоб возвести хоть что-то подобное, ни у кого из них не нашлось.

Сабинея встретила заливистым лаем целая свора – с десяток кудлатых рассерженных псов, рыжих, черных, пятнистых. Этот песий молодец никогда прежде не видел парня и не помнил его запаха. Молодой воин прикрикнул на них, замахнулся мечом. Свора отпрыгнула.

– Назад, подлые, я вас!.. – крикнул темноволосый кряжистый фракиец, отгоняя собак плетью.

Сабиней не сразу сообразил, что перед ним его собственный отец – тот как-то осел к земле за прошедшие годы: вширь раздался, а вот росту убавил.

– Отец?

– А то... Ну, набегался, лис?

Прежде отец всегда звал Сабинея лисом или беглым лисом. А мать ласково кликала лисенком за рыжие лохмы и светлые прозрачные глаза. Сабиней пошел в мать породой. Отец был темен волосом, черен даже, а кожу имел смуглую. Теперь борода его серебрилась, будто тронутая инеем, а смуглые щеки казались серыми. Вот только Сабиней давно уже не лис – а настоящий матерый волчище. Но отец, кажется, этого не заметил.

– За мной, лис! – приказал отец и, указав плетью на стену недостроенного дома, пошел, не оглядываясь.

Крыша, причем черепичная, имелась, но лишь на одной половине, вторая часть дома, еще без ставень и без дверей, беспрепятственно заметалась снегом.

– До зимы не успели поставить. Рук в хозяйстве не хватает, – буркнул отец на ходу.

Мало рук? Старшие братья не помогают? Ну, как же, помогают, вот и сейчас таскают привезенные по снегу бревна для стропил. Волы смиренно стояли под ярмом, жуя щедро насыпанное перед ними сено.

Сабиней спрыгнул на землю.

– Дом, как я погляжу, по-римски ставишь? – спросил он, и непроизвольно дернулись веко и щека.

– Все нынче так ставят, – отозвался, нимало не смутившись, отец. – Вот тут вход будет главный – он указал на зияющий дверной проем, – а вот там – вроде как двор. Перистиль по-ихнему.

Братья тем временем опустили на снег бревно. Сабиней ожидал увидеть их заматеревшими и возмужавшими, краснощековыми бородами здоровяками. Но братья не возмужали, а только постарели. Почти как отец. Гартак, старший, вообще как-то весь оплыл, обозначился живот, а ноги сделали то ли толстыми, то ли отекли. Средний мало изменился, только зарос темной клочковатой бородой да еще лишился половины зубов.

– Сабиней! – Старший обнял младшего сильно, от души. – Ишь, набегался, лис!

– Где ж такую конягу-то взял? – визгливо хохотнул средний, Вециней. – Неужто из-за Данубия привез!

– Кобыла здешняя.

– Купил, что ли? Сколько отдал? – не унимался братец. Он и прежде воображал себя большим знатоком лошадей, на базарах вечно привязывался к торговцам конями, спорил до хрипоты о цене и стати, и спор обычно заканчивался тем, что Вециней, тогда еще подросток, торговец прогонял плетью.

– Один хороший человек подарил, – буркнул Сабиней.

– Да ладно! Даже старых кляч никто за так не дарит! – хохотнул Гартак. – А эта лошадка хоть куда.

– Вещицей, лошадь в конюшню поставь, – приказал отец среднему сыну. – А ты, Сабиней, в дом иди, вижу, обмерз весь.

Конюшня отцу досталась от прежнего общего владения – стояла она при большом старом доме на отшибе, вдали от прочих построек, и много лет назад в ней держали «особенных коней», а попросту ворованных. В молодости отец с братьями, родными и двоюродными, промышлял тем, что угонял лошадей. Теперь отец, уже не просто повзрослевший, а постаревший, держал в конюшне уже своих собственных коней.

Сабиней, сняв с луки седла отощавший мешок, прошел за отцом сквозь зияющий бездверный вход, в сени (интересно бы знать, как этот покой у римлян называется? Вроде Таур говорил, что это у римлян атрий). Здесь крыши еще не было, и сверху напало снега. А вот две каменные скамьи уже имелись, и меж ними – стол, опять же каменный с мраморной столешницей. Белый мрамор в этих местах не диковина. Только вырезать из него ровную плиту – работа сложная и дорогая. Ничего подобного на той стороне реки Сабиней не видел – там дома ставили деревянные, крышу крыли дранкой, а перед входом устраивали террасу. Каменный фундамент, обмазанный глиной – уже роскошь.

– Отец – мы богаты? – спросил Сабиней.

– Ты – нет. А я в достатке. Правда, рабов не держу.

– Что так?

Отец помолчал.

– Не люблю рабов. Преданными жалко помыкать, а бунтаря я бы прибил до смерти.

Они прошли заметенную снегом комнату насквозь и теперь очутились во внутреннем дворе. Здесь повсюду стояли бочки и амфоры, накрытые соломой, лежали распиленные, но еще не употребленные в работу доски. Пахло как в мастерской – смолой, гарью, еще чем-то чужим, непривычным.

Через проем, уже с деревянной дверью, прошли напрямик на кухню, к жаркой печи, на которой постаревшая и поседевшая мать готовила в котле просяную кашу.

Увидев младшего сына, мать узнала сразу, ахнула, замахала руками, рот прикрыла ладошкой и так замерла. А потом, будто опомнившись, кинулась обнимать. Криков и слез было вдосталь, насилиу отец оторвал жену от сына. Велел накормить, потом, накинув Сабиней на плечи плащ из лисьих шкур, увел в соседнюю комнату. Там было тепло, но не так, как на кухне, и темно – от холода окно прикрыли на зиму ставней, на слюду у хозяина денег пока что не было. Отец зажег масляный светильник, опять же римский, повесил на бронзовый крючок. И только теперь спросил:

– Ну, зачем пожаловал?

– Да я...

– Не лги! – оборвал отец. – За вранье всегда бил и бить буду! Не погляжу, что бородастый уже...

Сабиней вскинулся от обиды, но сдержал себя и высыпал перед отцом остатки Децебалова дара.

Отец взял браслет, повертел в руках.

– Знак? – спросил и поскреб ногтем оскаленную волчью морду.

– Вся Мезия должна подняться. Кто на нашей стороне, у того такой браслет.

Отец молчал. Нехорошо молчал, будто заледенел внезапно.

– Ты их уже в-видел? – голос Сабиней дрогнул. – В-видел браслеты... у кого-то?

– Видел, дурачина! – рявкнул отец. – Мне уже трое умников такой браслет предлагали. Всё думал – безмозглые дурни, неужто не ясно? Коли наденем на запястья это золото,

то свой же дом подпалим с одного угла. А со второго подпалит Децебал. А с третьего и четвертого римляне возьмутся. А мы в этом доме с женами да детьми... А теперь ты – и тоже с огнем.

– С браслетами.

– С огнем! – отец грохнул кулаком и смял браслет в пластину, пригодную разве что на то, чтобы украсить сбрую. – Огонь это! А чем ты за него платишь – мне неважно.

– Мы прогоним римлян! – у Сабиней от злости задрожал голос.

– Дурень!

– Ненавижу! – взвыл Сабиней. – Что они делают на нашей земле?

– Дурень, – повторил отец.

– Они меня пытали! – Он задрал штанину, обнажая вспухший багровым ожог.

– Мало, видать жгли, раз ты удрал.

– Мы прогоним римлян! – повторил Сабиней, но уже тише прежнего, ошарашенный холодным приемом.

– Прогоним? Тош ты и мал, лис, чтобы кого-то куда-то гнать, – отозвался отец.

Сабиней набылся: спорить было бесполезно: по-разному они смотрел на то, что творилось на южном берегу реки.

– Так ты что, за римлян? – спросил Сабиней мрачно, уже заранее зная ответ.

– Я не горец-бесс, чтобы всю жизнь воевать – от рождения до смерти. У меня дом, семья, сыновья, внуки пошли. Забирай свои браслеты и уходи.

– Из дома?

– Из селения! Вон! Ты не должен своих подставлять под удар. Римляне предательства не прощают.

– О каком предательстве ты говоришь?!

– Проваливай!

Сабиней сгреб золото в мешок, завязал ремень.

– Децебал все равно придет – примешь ты браслет или нет! – предрек он. – Но только мужчины и мальчишки без браслетов должны умереть. Жены и дети непокорных обещаны бастарнам – в рабство как добыча. Потому что тот, кто без браслета, тот римская собака.

– Значит, скоро? – отец глянул мрачно исподлобья.

– Скоро, скоро! – закивал Сабиней.

Отец молчал, тяжело дыша. Хрипел, как рассерженный бык, и лицо его наливалось краской. И лицо, и глаза. Казалось, вот-вот, и брызнет кровь из-под набрякших век.

– Давай браслет, – выдавил отец. – Три штуки – чтоб мне и твоим братьям тоже.

Не дожидаясь ответа, отец схватил мешок, запустил туда руку и вытащил браслеты.

Сабиней поднялся.

– Ты куда? – отец ухватил его за рубаху на груди и усадил назад на скамью. Отец был силен – все еще сильнее младшего сына.

– Ты же сказал – уходи.

– Я передумал.

– Но я же должен и другим раздать браслеты.

– Не должен. Всех наших я сам обойду. Брату отдам браслет, зятьям его, племяннику. Дяде и его зятьям. Всего двенадцать штук. Остальное спрячу.

– Но...

– Молчать! Никуда не пойдешь. Схоронишься в доме. Не выпущу.

Сабиней сидел, стиснув кулаки. Лицо его тоже налилось кровью, в глазах было бешенство.

– Что, лисенок, думал здесь все по твоему слову сразу начнут жить? – ухмыльнулся отец. – Нет, мой мальчик, не получится уже. Здесь по римским законам давно живут.

* * *

Ночью Гартак проснулся от холода. Он понял, что все еще лежит на кровати, хотя одеяла на нем не было. Гартак спал один – жена его умерла прошлым летом родами, и с тех пор вдовец чурался женского общества и жил, и спал в маленькой крайней спальне в доме, к слову – самой холодной. Не нравилось ему это отдельное, похожее на клетку жилье – прежде все ночевали в одной-единственной комнате – и дети, и взрослые. А теперь разбрелись по отдельным загончикам. Может, молодым это и по душе – удобно, когда ночным забавам не мешает никто, но Гартак как-то разом постарел и теперь чувствовал себя чуть ли не старше отца – про которого время и боги, казалось, совсем позабыли.

Сейчас же Гартак сразу почуял, что в комнатухе кто-то есть. Но этот кто-то – чужой. Гартак рванулся вытащить из-под матраса кинжал, но пальцы хватанули лишь деревянную раму кровати – кинжала на месте не оказалось. Гартак дернулся.

И тут же услышал остерегающий шепот:

– Тише, тише... – и кто-то положил ему руку на грудь – там, где сердце. От этого прикосновения сердце зашлось совершенно в бешеном ритме, забилося о ребра, норовя обстучать их все до одного.

Гартак узнал голос – брат Сабиней держал руку на его сердце. Но от этого не стало легче – голос звучал чуждо.

– Пришел в себя? Тогда молчи, если жить хочешь.

Гартак ничего почти не видел. Разве что смутный какой-то абрис, отсвет, хотя вглядывался во тьму до рези в глазах.

– Тихо, – повторил Сабиней и руку наконец убрал. – Я уйду. С собой не беру никого. Браслеты забираю назад. Трусливым собакам волчьего знака не положено. И запомни – все, кто не по праву взял себе браслет – все мне их вернут, все до единого.

Теперь Гартак начал кое-что уже различать – лунный свет слегка сочился сквозь неплотно прикрытую ставенку на окне, и в мутном этом отблеске Гартак на миг различил, что напротив него сидит вовсе не человек, а огромный волк – он отчетливо выдел большие треугольные уши, и глаза твари светились в темноте. Правду, значит, говорят, что на том берегу люди умеют перекидываться волками.

– Возьми браслет, – пробормотал Гартак. – Он же твой.

Он принялся сдирать с запястья заречный дар и не сразу понял, что просто скребет ногтями по коже.

– Уже взял, – проурчал сыто волк. – Твоего разрешения мне не надобно. Я в этом доме собрал все браслеты. И еще кое-что прихватил.

Сабиней-волк поднялся и вышел – в полоске лунного света Гартак отчетливо разглядел, что волк движется на задних ногах.

Несколько мгновений после ухода младшего старший брат лежал недвижно. Потом поднялся, держась за стену. Ноги плохо держали. Опять сердце забилося как безумное. Шатаясь, будто при бортовой качке в шторм на корабле, Гартак добрался до кухни, вынул красный уголек из очага, раздул светильник. Первым делом кинулся в отцовскую спальню – старик крепко спал, храпел. Как ни в чем ни бывало.

Мать проснулась первой.

– Гартак, ты? Стряслось что? – спросила испуганно.

– Никто не заходил? – проговорил старший сын сипло.

Гартак шагнул в угол к сундуку – настоящий римский денежный ящик, обитый бронзовыми полосами, отец купил его в канабе Пятого Македонского. Гартак видел, как накануне отец положил туда мешок с браслетами, а ящик запер. Сейчас крышка была не до конца

закрыта, а накладка от замка висела полуоторванным собачьим ухом. Гартак приподнял крышку. Мешка с браслетами внутри не было.

Он вновь поглядел на храпящего отца, и в этом храпе почудилось ему что-то тягостно-болезненное.

В этот миг истошный женский долетел из-за перегородки.

Гартак кинулся в спальню среднего брата.

Жена Вецинея в одной рубахе до колен (на белом темнели там и здесь пятна) стояла подле кровати. А брат лежал на постели навзничь, неестественно вывернув шею. На месте горла зияла глубокая рана – кто-то просто вырвал горло зубами.

– Где-е?! – ринулся к перепуганной насмерть женщине Гартак. – Где ты была?

Она замотала головой и вновь завывала, уткнулась головой в босые ноги убитого мужа. Гартак в ярости ухватил ее за рубаху и встряхнул как щенка.

– Ты что не видела, как он зашел?

Женщина опять замотала головой и стала тянуться руками к босым, неестественно торчащим вверх ступням, будто эти мертвые ноги были для нее спасительным якорем. При этом она утробно мычала, будто раз и навсегда позабыла все слова на свете.

Гартак отпустил ее, и женщина осела на пол.

Когда он осмелился выйти во двор, то увидел на нетронутой полоске снега синеющие следы лошади и человека. Волчьих следов не было.

«Значит, снова обернулся?» – холодея, подумал Гартак.

Глава IV Новы

Январь 855³⁷ года от основания Рима. Новы

Если какая-нибудь гадость может случиться, то она непременно случится, просто потому, что богам всегда любопытно посмотреть: что же из подобной гадости может выйти.

В этот раз случилась нелепость.

Сколько ни ездил Приск одетый как легионер, непременно встречались ему на пути местные крестьяне, но ни разу какой-нибудь римский патруль. А тут нате – чуть ли не целая ала³⁸ всадников перегородила дорогу разведчикам. Приск и остальные четверо – в гражданских тряпках, при оружии, опять же частью фракийском, все перемазаны кровью, да еще трусят за их маленькой кавалькадой вьючные лошади и мулы, и на кобылах в придачу – две бабы. Разбойники чистой воды, тут и гадать нечего. Таких отправляют наместнику на суд, а чаще, чтобы не возиться, кончают на месте. Не жалуют разбойников римские солдаты.

У Куки, правда, был под одеждой диплом от легата Пятого Македонского, да что толку: печать давно сломана, половина строк на воске смазалась. На деревяшке отметка лишь, что диплом выдан легионеру Куке. Префект алы даже не поглядел на таблички – отшвырнул в снег: вообразил, что местные порешили какого-то римлянина, а теперь дипломом ограбленного тычут в нос представителям римской власти. Приск попытался предъявить Адрианово письмо на пергаменте, но префект опять же не стал читать. И немудрено: Адриан, умница, написал все по-гречески. А префект может и болтал на койне³⁹ бойко, да грамоту греческую разумел с трудом.

³⁷ Январь 102 года.

³⁸ Ала – кавалерийский отряд в триста человек.

³⁹ Койне – разговорный греческий, в каждой провинции, а то и в каждом городе был свой диалект.

Самым подлым во всем этом деле являлось то, что ала была целиком собрана из иноземцев – по виду, скорее всего, сирийцев, в здешние места прибывших недавно. Значит, в лицо легионеров эти парни с Востока не знали, а уж болтали на латыни так, что хоть уши затыкай глиняными затычками. В принципе объясниться с ними было можно, да не в том дело! Никто же не собирался устраивать диспут с ними на греческом! Не это главное! Главное то, что сирийцы никак не могли распознать, что все пятеро обряженных в местные тряпки парней поговору явно не местные, а наверняка италийцы, быть может, даже из самого Рима.

Впрочем, надежда, что все вскоре все разъяснится, появилась, когда командир алы решил везти задержанных в римский лагерь в Новах. В Новы, так в Новы, возражать ни Кука, ни остальные не стали. Правда, ехать в Новы в ожидании дакийского нашествия легионерам «славного контуберния» не улыбалось – сам лагерь располагался практически на берегу реки, и варвары могли в любой момент пожаловать в гости. Неприятная перспектива, поскольку гарнизон Первого Италийского этой зимой был разбросан по прибрежным крепостям. В постоянном лагере в Новах сейчас легионеров явно недобор, но все же наверняка больше, чем в лагере Пятого Македонского в Эске. Так что (Кука был в этом уверен), среди бравых ребят наверняка найдется пара-тройка тех, кто без труда опознает легионеров из пятьдесят девятой центурии – ведь служат они под римскими орлами не первый год, вместе бывали в походах, нередко заезжали посланцы и целые вексилляции⁴⁰ из одного легиона в лагерь другого.

* * *

И таковой нашелся. Первое знакомое лицо, увиденное Приском и его друзьями в Новах, был центурион Нонний.

Центурион, убивший их товарища Квинта Мария. О том, что после убийства Квинта и учиненного легионерами бунта, Нонния перевели в Новы, слухи одно время ходили. Но друзья как-то не торопились эти слухи проверить – сладить с Ноннием ни у кого из них ни сил, ни влияния не было, так что легионеры предпочитали не встречаться со старым врагом, который при случае мог испортить им всю кровь до последней капли. В летнем походе Нонний участия не принимал – и это было даже неплохо: соблазн свести старые счеты мог обернуться для «славного контуберния» бедой.

Когда кавалерийская ала вместе с арестованными въехала в лагерь Первого Италийского легиона в Новах, Нонний встретил пятерых своих давних врагов с таким видом, будто все это время только и делал, что ожидал их прибытия.

– Так, так, так, ну и что тут у нас? – проговорил центурион, хитро щурясь.

– Вот, арестовали... подозрительные типы, одежда в крови, при оружии... и держатся как военные, – отчитался префект.

Оружие, правда, у всех было уже отобрано, так же как кошельки, пояса и теплые плащи. Везли задержанных верхом, но теперь быстренько опустили на землю, и все пятеро стояли, сгрудившись, со связанными за спиной руками, ощущая как холод прокрадывается под туники и меховые безрукавки, и как противно немеют ноги от стояния на снегу.

– Легионеры Пятого Македонского, пятьдесят девятая центурия центуриона Валенса, – отрапортовал Кука. – Центурион Нонний нас помнить должен.

То, что Кука назвал центуриона по имени, несколько смутило префекта ауксиллариев, и он вопросительно поглядел на центуриона.

⁴⁰ *Вексилляция* – отряд, выделенный из легиона или из нескольких легионов для определенной задачи.

– На базаре в прошлом году встречались, – кивнул Нонний, глазом не моргнув. – Ты, собака, мне норовил ворованных коней продать. Лазутчики это из-за реки! – объявил Нонний.

– Да ты очумел! Пошли немедленно в Эск к центуриону Пруденсу гонца! Да у меня диплом от самого Наталиса, да Адриан... – взорвался Кука.

– Распять всех немедленно. Привязать на кресты нагими. Пускай мороз им яйца пощиплет. К утру сдохнут! – свой приказ как и все подобные свои приказы Нонний произносил с явным удовольствием.

Собравшиеся поглядеть, что происходит, солдаты загоготали.

– У нас najważнейшие сведения, добытые в бою и с риском для жизни, от них судьба армии зависит... – возвысил голос Приск. У него внезапно прорезалась столичная страсть к витиеватым и книжным выражениям.

Нонний подскочил к Приску и врезал кулаком в скулу. Тот успел отклониться, кулак пошел по касательной, но все равно удар вышел крутой. Легионер пошатнулся и, не подержи его плечом Малыш, упал бы.

– Пусть нас отведут к легату или... кто тут сейчас главный! – потребовал Кука.

– Я тут самый главный для вас. Временно исполняю обязанности префекта лагеря⁴¹! – Нонний аж раздулся от важности. – На кресты, я сказал... Раздевайте! Ну!

Легионеры, окружившие пленных, не двигались. Только переглядывались. Нонний о своем возвышении, скорее всего, не врал – лучших центурионов и военных трибунов Траян забрал из легиона в поход. Так что не мудрено, что такой коршун как Нонний быстренько пролез в префекты обезлюдившего лагеря. Малыш дернулся в ярости, пытаясь разорвать кожаные ремни, что стягивали ему руки – но куда там! Даже такому силачу как Малыш подобное было не под силу. Тиресий рухнул на колени, вцепился зубами в ремень Малыша, пытаясь разгрызть кожу.

На счастье, легионеры Первого Итальянского пока выжидали. Не очень-то им верилось, что перед ними в самом деле лазутчики. Но, видимо, наученные горьким опытом, идти против бешеного центуриона не решались.

– На кресты! – завопил Нонний вновь, ухватил за шиворот какого-то новобранца и пихнул вперед. Тот поскользнулся, упал к ногам арестованных. Встал, оглядел пятерых. Будь у них руки свободные – он бы к ним и не подошел. Но тут рискнул, сунулся и тут же получил ногой в пах от Молчуна. Взвыл и согнулся.

– Именем императора! – завопил Кука.

– Не смей взывать к Траяну! – в свою очередь закричал Нонний. – Ты – Децебалова собака!

– Совсем озверели! Каннабиса надышались? Или не слышали никогда про людей Декстра, что ходят на ту сторону, переодевшись как даки? – тоже стал орать Приск, приходя в бешенство.

– Уж больно по-нашему хорошо говорят, – заметил кто-то из легионеров. – И на даков не похожи.

Но тут несколько ветеранов, видимо, из давних приятелей Нонния, явились, неся с собой балки для пяти крестов. Обычно материал для подобных сооружений держат всегда наготове, так что деревяшки наверняка стояли на видном месте в мастерской.

⁴¹ *Префект лагеря* – начальник по хозяйственной части в легионе. Он занимался снаряжением легионеров, обозом и т. д. Обычно это бывший примипил, человек в возрасте пятидесяти-шестидесяти лет. По старшинству – третий человек в легионе после легата и трибуна-латиклавия.

– Где распинать будем? – спросил один из вновь прибывших, кудлатый парень с негустой, весело вьющейся бородкой и хитрыми серыми глазами, в которых брызгало лукавым светом при каждой его ужимке.

– Ясное дело, у дороги, Кокцей! – объявил Нонний. – Раздевайте мерзавцев догола. Одежда ваша.

– Кому нужно это тряпье? – пожал плечами кудлатый и, не дожидаясь понукания, шагнул вперед, ухватил Приска за ремень на запястьях и рванул на себя.

Приск не сразу понял, отчего это больно ожгло руку, а потом давление ремня исчезло. В следующий миг сообразил: легионер перерезал ему кинжалом путы. Приск ударил локтем назад – не сильно, только для виду, отпихивая своего спасителя. Тот ловко подыграл, дрыгнул ногами и опрокинулся в снег, увлекая за собой пленника.

– Вас самих распнут! – Кука подался вперед, чтобы прикрыть своих – Малыша, который вот-вот должен был освободиться, и Приска, который уже поднимался, сжимая якобы отнятый у Кокцея кинжал.

Сам кудлатый, видимо, большой затейник, на четвереньках проскользнул меж стоящих соратников и скрылся.

Нонний, как всегда, в такие моменты, ослеп от ненависти, и ни на палец не понимал, что происходит. Рыча от бешеной ярости, он накинулся на арестованных с палкой. Удары так и посыпались. Пленные едва успевали уворачиваться, оберегая головы и подставляя под удары спины. Приспешники Нонния, ветераны, больше похожие на надсмотрщиков при гладиаторской школе, нежели на доблестных солдат Рима, первым делом вырвали из пятерки Молчуна, и принялись сдирать с него одежду. Молчун сумел пнуть ближайшего по голени, но тут же сам получил по зубам. Приск незамедлительно кинулся на Нонния с кинжалом, но на его пути очутились сразу трое. Одолеть не получилось, Приска опрокинули на землю. Вернее, на снег. Но он ударил в живот ногами одного, полоснул по лодыжке кинжалом второго и, выгнувшись, одним рывком вскочил на ноги. Малыш тем временем сумел освободиться и, ухватив одну из заготовок креста, стал мозжить ею спины. В него пытались кидать свинцовые шары и даже камни из пращи – но то ли не попадали, то ли он сгоряча не замечал ударов. А, скорее всего, стрелки не очень-то стремились попасть, потому как доставалось больше звероподобным иммунам⁴² Нонния. Ясно дело, кто-то спешил свести под шумок старые счеты. Драка кипела. Но все равно положение Приска и его друзей оставалось безнадежным. Рано или поздно безоружную пятерку одолеют – если не на крестах они кончат свой путь, так примут смерть от железа, в неравной драке со своими же. «Не бывает безнадежных драк, – любил втолковывать своему сыну Гай Осторий, бывший военный трибун. – Мы просто не всегда знаем, за что деремся. Но помни: в любой схватке дерешься за лишний миг жизни».

И они дрались. Еще один миг и еще...

– Адриан! – выкрикивал Приск, мечась среди дерущихся, ускользя от ударов и стараясь полосовать кожу, а не потрошить животы – все ж хоть и мерзавцы, приспешники Нонния, но свои, легионеры, не варвары. – Адриан наш патрон! Клянусь гением императора...

Имя Адриана известно было в Новах – прежде императорский племянник служил военным трибуном в соседнем Эске, а при подготовке Дакийской кампании объездил все лагеря вместе с дядей и в свите императора появлялся здесь, в лагере. Наверняка каждый или почти каждый Адриана видел. Так что его имя тут – не пустой звук. А то, что арестант клялся священной клятвой, произвело впечатление еще большее.

Легионеры невольно подались назад, расширяя круг, в драку больше не лезли и на помощь немногочисленным прихлебателям Нонния не спешили. Глянув – мельком

⁴² Иммуны – ветераны, освобожденные от трудов по лагерю.

поверх голов – Приск увидел, как бежит к принципии⁴³ тощий высокий легионер. Нескладная фигура показалась знакомой. Но разглядывать и решать, кто это и отчего знаком, было не время – опять пришлось уворачиваться от ударов и самому крошить чужие зубы и сворачивать челюсти.

Молчун все же сумел вырваться и теперь, почти голый, дрался отнятым у кого-то гладиусом. Этот не миловал – разил насмерть. Приска уже три или четыре раза сбивали с ног, но он поднимался. Туника давно лопнула, свисала лохмотьями с пояса, от разгоряченного тела в морозном воздухе поднимался пар.

«Если сейчас на крест привяжут, то и часа не прожить – столько силы ушло из тела...» – мелькнула мысль.

Но подумал Приск вроде как не о себе, а о ком-то постороннем. Чувствовал – силы на исходе. На одной ярости держался. Его вновь повалили, оглушили ударом плашмя и поволокли. От снега вперемешку с водой, грязью и кровью, по которому Приск елозил лицом, он пришел в себя, брыкнулся, попытался достать ногой, не сумел...

Биться до последнего и даже дольше...

Приск оттолкнулся свободной ногой от земли, крутанулся всем телом, вырвал вторую ногу и одну руку из ветеранских пальцев, и второго своего пленителя просто рванул на себя и опрокинул. Дальше уже не битва пошла и не драка, а возня: на него навалились сверху, вновь ударили – но не по голове, а в бок и по плечам; затем он кого-то укусил: сперва ощутил во рту вкус грязной, пропитанной потом тряпки, а потом – крови. Рядом кто-то надсадно визжал. Приск сжимал зубы все сильнее и сильнее, мотал головой, пытаясь вырвать клочок мяса... Кто-то бил кулаком наугад, но не попадал...

...А потом все кончилось – был какой-то провал... Не тьма, нет, а мельтешение серого, стоны, возня. Приск ощутил, что лежит голой спиной на снегу. Он вскочил и – о чудо! – ему никто больше не пытался мешать. Приск повернулся, ища противника, махнул кулаком наугад, едва не потерял равновесие, устоял.

Только теперь он увидел, что перед к ним стоит военный трибун, молодой человек в начищенном до слепящего блеска нагруднике, из-под которого во все стороны топорщатся белые птериги⁴⁴ нижней лорике. Военный трибун без правой руки. За ним чуть позади застыл тот тощий нескладный легионер. Чем-то легионер опять показался знакомым, но при этом Приск был почти уверен, что если и видел этого парня когда-то, то лишь мельком.

– Анний! – выдохнул Приск, узнав однорукого трибуна. – Именем императора...

– Что здесь такое? – спросил военный трибун у Нонния тихим хриловатым и очень усталым голосом. – Циркулятор с бродячим цирком приехал?

– Лазутчиков поймали. – Нонний ничуть не смутился. Даже осклабился – мол, его эта драка вроде как забавляет.

– Анний! – заорал Кука так, что державший его приспешник центуриона отшатнулся. – Ты что, не помнишь! Это мы с Приском нашли в пещере летом золото... То золото... Помнишь?

Да уж – наверняка не забыл, как без руки остался. Приск отстраненно подумал, что может и не стоило как раз *про это* напоминать.

Военный трибун рассеянно кивнул, но пока не спешил подтвердить, что узнал «быков Декстра». К тому же теперь, после драки, все в крови, с разбитыми лицами и в лохмотьях,

⁴³ *Принципия* – штаб легиона.

⁴⁴ *Птериги* – элемент римского доспеха – защитные полосы кожи, предназначенные для защиты бедер и плеч. Крепились к лорике.

они еще меньше стали походить на доблестных легионеров, которых прошлым летом выслали в разведку.

– Мы же все время ходим в этих фракийских тряпках, ты же знаешь... – хрипел Кука, надрывая уже без того севший голос.

– Мы люди Декстра, – выдохнул Приск. – Декстр, центурион, из фрументариев⁴⁵...

– В чем дело? – повернулся военный трибун к Ноннию. И в этот миг Приск понял, что имя Декстра, пожалуй, произвело даже большее впечатление, нежели имя Адриана. И что Анний сразу их узнал, но про себя что-то взвешивал, будто вороватый торговец, норовящий привесить к весам фальшивую гирию без тавра.

– Лазутчики дакийские... – Нонний не желал уступить.

– Где? Где лазутчики? – трибун не повысил голоса, но наоборот, как-то начал пришептывать. – Это специально обученные Декстром и Валенсом разведчики, клиенты самого Адриана. Или ты позабыл, кто такой Адриан?

Нонний скривился.

– Помню, служил трибуном в Пятом Македонском, гречонком прозвали...

– Племянник императора, – все тем же тихим голосом просипел Анний, будто из последних сил.

Нонний не ответил, дернул щекой, скорчил гримасу, будто что-то пытался выдавить через силу – но не получалось.

– Освободить! Немедленно! – повернулся трибун к подручным Нонния и только теперь повысил голос. – Вернуть одежду, оружие! Всё-всё вернуть! И ко мне в дом! Немедленно!

Тут он захотел крикнуть. Но у Анния не получалось орать, он срывался на тонкий противный визг. Но никто не посмел ему перечить. Первым разжал руки тот, что держал Тиресия, и тут же получил по зубам от легионера.

Дрожа от холода, Приск попытался приладить на место обрывки туники, но вскоре понял, что дело это безнадежное. Откуда-то появился кудлатый Кокцей, отобрал свой кинжал. Впрочем, чужой кинжал Приску был теперь без надобности – он получил назад все свое: оружие и собственный плащ. Кутаясь в заиндевевшие тряпки, сплевывая кровь и ругаясь, легионеры кое-как потрусили к дому военного трибуна – бежать быстро не было сил. С холода в доме им показалось не просто тепло, а жарко – легионеры сбились на кухне возле печи и пили, передавая друг другу, вино с пряностями, медом и горячей водой. С разбитых губ в бронзовую чашу стекала кровь и мешалась с напитком, добавляя к его сладости солоноватый привкус.

Потом, пошатываясь и опираясь друг на друга, доковыляли они до таблиния⁴⁶ трибуна. Тот сидел на ложе и вертел в руках один из отобранных у легионеров золотых браслетов с оскаленной волчьей мордой.

– Что все это значит? – спросил Анний. – Почему вы в варварских тряпках на нашей римской стороне? На тот берег реки ходили? Кука!

Голос трибуна сделался еще более сиплым, и, значит, еще более злым.

– Центурион Валенс нас оправил – проехать по бережку. У него насчет этой зимы предчувствие нехорошее было. А Валенс верит предчувствиям.

– И что? Подтвердились предчувствия?

– Река скоро встанет, – поведал, будто откровение, Кука.

– Ну да, замерзнет, – кивнул Анний. – Удивительное открытие... – однако в голосе его не было насмешки. Он ждал, что ему скажут.

⁴⁵ *Фрументарий* – Агент-снабженец в римской армии. Во времена Траяна фрументарии стали выполнять и чисто разведывательные функции.

⁴⁶ *Таблинний* – промежуточное помещение в римском жилище, которое вело во внутренние покои. Обычно – личная комната хозяина, кабинет.

Молчун вдруг встал на колени, потом растянулся на полу – в драке ему, кажется, досталось больше всех, и ноги его не держали. Он дернулся, изо рта его потекло толчками выпитое. Анний сделал вид, что не замечает.

– Они пойдут всюду, – сказал Кука. – До самой Дробеты...

– Здесь, в Мезии? – уточнил Анний.

Кто «они», Анний спрашивать не стал.

– Да. Всюду. Там, где смогут по льду пройти через реку. Браслет этот – особый знак. Потому как... – Кука отер рукавом нос, размазав по и без того грязной тунике кровь и сопли. – Этот берег тоже восстанет. И тоже повсюду. Вздыблется, как бывает, бесится море после того, как случится землетрясение на берегу. На суше – расколота земля, на море – волны до неба. И тогда нас сметут. Если Траян не подоспеет. Каждый час дорог. А твой Нонний нам такую пакость устроил... Если бы не знал, какая он сука, решил, на даков мерзавец работает.

Трибун несколько раз кивнул.

– Я уже видел этот браслет, – сказал он. – У одного дака. – Помолчал, потом спросил. – И что делать по-вашему?

– Гонцов послать. Сегодня же. В Томы к наместнику. В Диррахий. А лучших, самых надежных бенефициариев – в Виминаций, – посоветовал Кука.

Анний молчал. Да уж, что тут размышлять – если из Виминация, где стоят основные силы, помощь не подоспеет, худо придется всем.

– Я бы отозвал людей из бургов, – добавил Приск. – Башни в случае подобного нашествия не отстоять. А в лагерях в Эске и Новах можно отсидеться. К тому же на стенах бойцы пригодятся. Из канабы в лагерь всех гражданских переселить надо.

Анний вновь кивнул:

– Может и так, но пока приказа от наместника не будет, я бойцов с бургов снимать не могу. И канабу не трону. Вы когда поедете?

– Сегодня же двинемся, – решил Кука. – Если после того как твои люди нас отметили, мы сможем в седлах удержаться. Молчун вон уже никакой...

– А девки? С собой возьмете?

Глаз наметанный, баб сразу заметил.

– Девочек себе оставь. Дарю! – объявил Кука милостиво, хотя дарить права не имел – не его рабыни. – А вот браслеты верни.

– Что-нибудь еще надо? – Анний, помедлив, надел браслет на руку, мешок с остальными (Нонний после ругани отдал добычу, но как полагал Приск, штук пять браслетов успел припрятать) протянул Куке.

– Коней наших пусть вернут. И еще одежда нужна взамен той, что порвали. Капсария пришли раны смазать. И перекусить горячим вели принести...

Кука умолк, прикидывая, не упустил ли чего. Вроде как все учел, смекалкой бессмертные боги его не обидели, недаром именно ему поручил Валенс контуберний.

* * *

Возле кухни, куда легионеры пришли за едой, опять появился тощий легионер, поставил перед разведчиками миски с кашей и спросил:

– От Децима Скирона вестей не было?

Тут Приск наконец вспомнил, где видел этого парня – тощий приезжал к ним в Эск несколько раз – повидать младшего брата Децима, пока тот не исчез и не был объявлен дезертиром. Вспомнил, что тощего звали Секстом Скироном.

– Не было, – буркнул Кука.

– Не верю, что мой брат стал предателем, – продолжал настаивать легионер. – С этим что-то не так... Может, его туда послали? Ну, к дакам?

– Я видел Скирона, – вдруг сказал Малыш.

– Где? – кинулся к нему Секст.

– Летом на той стороне.

– И...

– Померещилось ему, – пихнул Малыша в спину Кука. – Малыш наш в плен угодил. А когда тебя огнем жгут, многое может померещиться. Мы не знаем, где твой брат Децим. Центуриона Валенса спрашивай. Или центуриона Декстра.

Поев, легионеры принялись решать, что делать дальше. Приск стоял на том, чтобы сразу ехать в Эск. Кука считал, что надо отправиться сначала в бург, забрать вещи и оружие и уже оттуда возвращаться к себе в лагерь. Лед на реке некрепкий, так что время еще есть. А письма развозить – не их задача.

Однако Приск решил от остальных отделиться и скакать напрямую в лагерь – не в первый раз ему доводилось ехать этой дорогой. Надо было только выбрать лошадь покрепче и сменить ее на почтовой станции. Кука предрек, что Приск отобьет себе задницу – чтоб такое предсказать, к оракулу обращаться не надо. Приск и сам это знал, но все равно решился ехать в Эск.

Пока все пятеро собирались, из Нов выехали сразу трое бенефициариев – один за другим – и ускакали. Каждый вез письмо. И каждый спешил.

* * *

Декурион бурга гостей своих поначалу не узнал: одетые в какие-то грязные тряпки, с распухшими после побоев лицами – они походили на рабов, которых приказали отправить в каменоломни, но затем почему-то смилостивились и отпустили.

– Это я, Кука! – прохрипел италиец, останавливаясь у ворот бурга.

Караульные смотрели на него во все глаза, не узнавая.

– Кука! Кука вернулся! – завопил Ингиторий, в этот момент пребывавший на смотровой площадке.

Он помчался вниз по лестнице, споткнулся и слетел вниз на целый пролет по скользким ступеням. После этого вопля все мигом признали в избитых оборванцах доблестных легионеров. Декурион бурга лично открыл перед ними ворота.

– Где это вы так погуляли? – поинтересовался будто ненароком, а в глазах приплясывали маленькие лукавые сатиры.

– Есть одно местечко, до самой смерти не забуду, – вздохнул тяжело Тиресий.

Поначалу Кука планировал уехать в тот же день. Но короткий зимний день иссякал, отправляться в путь на ночь глядя избитым и смертельно уставшим людям было глупо. Потому решено было заночевать в бурге, чтобы на рассвете двинуться в Эск.

Нагрели на печке воды и кое-как смыли с себя грязь, наклепили пластыри на ссадины, перевязали раны посерьезнее, переоделись в свое, знакомое, вместо чужих тряпок.

Тем временем Ингиторий сготовил им бобовую кашу с салом, Кука намешал в горячую воду вина и пряностей. Впрочем, Молчун есть не мог – едва проглотил пару ложек, как его тут же вывернуло. Пришлось уложить его, подложив под голову свернутый плащ, влить в рот несколько ложек теплой воды с вином и водрузить на голову намоченную холодной водой тряпку.

– Когда они придут? – спросил декурион, присаживаясь к столу и отстраняя Ингитория, который по-прежнему лип к легионерам.

– Когда река встанет.

– Уже встала. Утром. – Декурион был он мрачнее тучи.

– Когда выдержит всадника с конем, – уточнил Кука. И добавил. – В броне. С той стороны придет тяжелая конница роксоланов.

– Хорошего льда ждать недолго... Подмогу нам пришлют?

– Это вряд ли. Готовь бург к обороне, да молись бессмертным богам и обещаю поставить алтарь за спасение из самого лучшего мрамора, – вместо Куки ответил Тиресий. – И пусть кто-нибудь дежурит на станции – чтобы успеть укрыть таможенников в башне.

Декурион с сомнением покачал головой. Он хоть и отслужил не так много в здешних местах, но то, как слабы укрепления бурга, было ему хорошо известно.

– Если с той стороны придет больше двух сотен, нам башню не отстоять. Волки точно здесь нападут?

– Не здесь, так поблизости. Местные поднимутся тоже. Одна надежда – что поначалу они пожалуют в низовья и уж потом двинутся вверх по реке. Не успеете отступить в Новы, бегите в Эск.

Декурион стиснул кулаки. Дело безнадежное, если даки переправятся неподалеку: тогда не успеть в ближайший лагерь. В этом случае они все тут смертники или пленники и рабы.

– Мы можем уйти с вами? – спросил декурион с надеждой.

– Я бы сказал: можно. Да разве легионер приказывает декуриону? – сказал Кука. – Пошли гонца в Томы. Ингитория пошли...

Декурион поглядел на парнишку, кивнул: хорошо, пусть галл уезжает. Логично из приговоренных смерти помиловать самого юного.

– А у меня письмо в Эск, – признался юный галл. – Гай Приск оставил. Велел мне отправить, если он не вернется.

– Мы вернулись, – напомнил Кука.

– Но Приск не с вами.

– Он в Эск поехал.

– И что теперь с письмом?

– Мне отдай.

Ингиторий несколько мгновений соображал, может ли он это сделать, потом принес завернутые в кусок кожи таблички. Письмо было запечатано, но поверх была приложена полоска пергамента, на таких обычно пишут названия свитков и привешивают к футлярам. На пергаменте значилось: «Доставить Корнелии, в усадьбу ее отца».

«Значит, Гай так и не смог забыть эту проказницу!» – усмехнулся про себя Кука.

– Отправь гонца на рассвете, – посоветовал он декуриону, пряча таблички в мешок. – Кто знает, может вам повезет, и вы успеете смыться.

* * *

В первую же дневную стражу отряд Куки верхами покинул бург и двинулся в сторону Эска, в лагерь Пятого Македонского легиона.

Впрочем, верхами ехали не все – на прихваченных из лагеря в Новах носилках на двух мулах легионеры везли Молчуна. Тот ни идти, ни ехать верхом не мог – едва вставал на ноги, как его начинало рвать. Кто-то из ветеранов приложил его бревном от креста по голове.

– Не довезем – помрет, – беспокоился Малыш.

– Не помрет, – заверял Кука. – Башка у парня крепчайшая.

– Кому алтарь обещать за выздоровление?

Кука на миг задумался.

– Обещай всем подряд, не ошибешься, сами надпись на плите и выйдем, так что за буквы нам платить не придется.

* * *

Уже начинало смеркаться, и Приск надеялся вот-вот увидеть вдали знакомое разбитое молнией дерево, от которого около мили по дороге до Эска. Из Нов он выехал на рассвете, на почтовой станции сменил коня и помчался дальше. До вечера, успеть до вечера – вот все, о чем он думал всю дорогу. В бесснежную пору расстояние от Эска до Нов в ускоренном темпе легионеры могли миновать за два дня. Обычным маршем – за три. Верхом Приск надеялся домчаться за день. Первую половину пути он проехал достаточно быстро – но не настолько, чтобы въехать до темноты в лагерь.

И все же ему повезло: ночь была ясной, лунной, чернела на посеребренном снегу отчетливая колея, оставленная колесами телег, из сугробов торчали милевые⁴⁷ столбы, отмечая путь.

И все же дорога как-то подозрительно растягивалась – и Приск ощущал слишком уж едкий холод, который не так трудно спутать с примитивным страхом. То и дело легионеру казалось: кто-то едет следом. Он с трудом сдерживался, чтобы не послать коня в галоп – но скакун слишком устал, чтобы гнать его куда-то – и Приск позволял уставшему жеребцу лишь понуро труситься.

В памяти тут же всплыли все рассказы про оборотней, которыми любил пугать друзей Тиресий – про то, как заплутавшего посланца покусал волк, и бенефициарий вернулся в лагерь уже не человеком. В такие мгновения Малыш, который был силен, как Орк⁴⁸, начинал испуганно озираться. Вот и сейчас Приск невольно оглядывался, но не видел никого.

И будто в подтверждение этих рассказов раздался протяжный вой. Он длился и длился – на одной ноте, тек ниоткуда в никуда, заполняя пространство между снежным покровом и черным небом с плывущей над оледеневшим миром Селеной-Мендис⁴⁹. Конь захрапел, стал беситься, сделал попытку встать на дыбы и сбросить всадника. Приску стоило большого труда усидеть в седле.

А потом Приск увидел, как пластается по снегу огромная тень. Бежит, взрывая пышную борозду, будто либуерна на Данубийской волне.

Первым движением было – ударить коня и мчаться, ни о чем не раздумывая, надеясь, что коняга, прежде чем пасть, успеет домчать легионера до ворот лагеря. Но мысль эта была ненужная и глупая. Волки нагонят его в три прыжка. Конь падет, все будет кончено мгновенно. Приск левой рукой натянул повод, не давая коню даже дернуться, осадил его так, что тот присел на задние ноги, правой вытянул дротик из колчана. Колчан с дротиками, как и всаднический овальный щит, подарил ему Анний в Новах.

Волков было трое. Впереди – вожак, за ними двое из молодняка. Но они не спешили – во всяком случае, шли не так резво, как показалось в первый момент. Выжидают, загоняют добычу туда, где остальные поджидают в засаде. Медлят – боятся человека. Но все же лезут вперед – дразнит запах конского пота. Что сильнее – голод или страх? Голод оказался сильнее, вожак ринулся вперед, за ним остальные. Как только троица очутилась на расстоянии броска, Приск метнул дротик и тут же вытянул второй. Метил в вожака. Попал. Зверь, визжа, кувырнулся в снег, орошая белое черной кровью.

– Ошиблись, серые? – пробормотал Приск.

⁴⁷ Длина римской мили составляет 1480 м.

⁴⁸ Орк – чудовище из подземного царства, пожиравшее тела мертвых (римская мифология).

⁴⁹ Селена – латинское, а Мендис – фракийское название Луны.

В следующий миг прежние товарищи радостно рвали издыхающую добычу. Приск швырнул еще один дротик – в гущу сплетенных тел, пришивая одну тварь к другой насмерть.

Внезапно снова протяжный низкий вой долетел неведомо откуда.

Приск вдруг понял, что сам он весь мокрый как мышь, пот струится по лицу, затекая под нащечники шлема. Мороз острыми когтистыми пальцами тут же впился в мокрое тело, приморозил металл к щекам, отдирать придется со щетиной и кожей.

Приск отер лицо и, развернув коня, двинулся дальше.

Волков в ту ночь он больше не видел. Но ощущение, что кто-то идет по следу, осталось.

Глава V Холодный день

Январь 855 года от основания Рима⁵⁰. Эск

Приск карабкался наверх, обдирая пальцы. До голого гребня хребта оставалось около сотни футов, когда над белой полосой то ли облака, то ли тумана возникла наблюдательная башня, сложенная на дакийский манер из прямоугольных камней, скрепленных деревянными балками. Ставить свои башни в горах даки умели так, что и не сразу заметишь, где на склоне холма прячутся наблюдатели, но все равно даже среди буковых лесов и покрытого елями склона такая слепота непростительна для «быка Декстра», а уж на голом хребте не заметить дакийский бург было делом немислимым. Приск прижался к камням, будто надеялся враси в расселину. Нет, его не могли заметить с башни – туман слишком плотный, а плечи накрыты волчьей шкурой – старая уловка, издавелека караульному покажется, что бродит по склонам серый одинокий хищник.

Но когда Приск выглянул внове, то увидел, что никакой башни поблизости нет, а сидит неподалеку на камнях, спиной к легионеру, человек в меховой безрукавке и смотрит на запад. Судя по длинным светлым волосам и одежде, это был дакийский пастух. Сидел он как раз на тропе, и обойти его уже не было никакой возможности. Значит, Приск должен подобраться неслышно, левой рукой зажать рот, правой полоснуть ножом по горлу. А потом уже махнуть красной тряпичей – подать знак своим, что дорога открыта, и можно идти дальше гуськом по тропе в тыл дакам – к заветному перевалу.

«Странный какой-то пастух, – подумал Приск, – сидит недвижно, глядит в одну точку и не оборачивается».

Легионер был уже почти рядом – осталось только сделать последний шаг, протянуть руку и...

Человек оглянулся. Оскалился, сверкнув белыми зубами. И тогда Приск увидел, что это вовсе никакой не дак, это центурион Нонний.

– Ах, ты! – Приск замахнулся кривым фракийским кинжалом, но ударить Нонния не успел.

Тот легонько ткнул его пальцем в грудь, и легионер полетел со скалы вниз.

Гай ударился о камни, перевернулся, и стал падать дальше. Справа рушился вниз водопад – кипящий белый столб воды. В ледяной воде играла радуга.

«А ведь не больно... почему не больно-то?» – удивился Приск.

...И пробудился. Он был в комнате своего контуберния в казарме Пятого Македонского лагеря в Эске.

«Дома», – подумал Приск и усмехнулся.

Родной дом он утратил после того как его отца приговорили к смерти.

⁵⁰ Зима 102 года. Январь.

Неясный свет пробивался сквозь слюдяное оконце. Холод пробирал до костей – даже сквозь одеяло и меховую накидку. Вода в кувшине, что стоял на сундуке, наверняка замерзла. Прискдохнул, понаблюдал, как белые завитки пара клубятся в воздухе.

«Вот же нелепый сон... Нонний, мерзавец, приснился... это уж наверняка к беде, сонто странный, а значит вещий... Неужели мне наяву мало этого Нонния, так он еще и в сон ко мне забрался, будто воришка в дом».

Приск никогда не был суеверен, но, случилось, сны его пугали. Так, однажды ему приснилось, что он умрет через два дня. Как именно умрет, не привиделось, но от ощущения близкой смерти холодом пробило до самых костей. Приснился ему тот сон в лагере Четвертого Флавијева легиона возле Берзобиса – где на обратном пути застряли на три или четыре дня повозки с ранеными. Лагерь был каменный, надежный, две трети легиона должны были зимовать в бараках, стеречь вместе с другими подразделениями проложенный летом путь. Раненые Четвертого легиона дальше ехать были не должны, остальных вывозили в Виминаций.

Приск ждал назначенного Морфеем срока с тревогой в душе. «День смерти» прошел на редкость буднично и мерзко – медики в госпитале перевязывали и осматривали раненых, кому-то вскрывали нагноившиеся раны, другим обмазывали мазью обмороженные пальцы, а кое-кому отпиливали руки да стопы. Рану Приска заново перевязали, и сам он, дабы не слышать воплей и стонов, весь день просидел на стене, вдыхая влажный осенний воздух – снег остался где-то там, на вершинах Дакийских Альп⁵¹ – и слушая рассказы караульных о том, что где-то близ своей столицы даки, мол, возвели такие крепости, что их можно сто лет штурмовать, но все равно не взять. В мастерских стучали молотки, оттуда тянуло дымом – ремесленники уже готовились к кампании следующего года, у принципии квестор⁵² ругался с каким-то вольноотпущенником – тот скупал по дешевке пленных и назначал цену мизерную, совершенно грабительскую. Все казалось спокойным, будничным, лишенным даже намека на опасность.

И все же смерть была где-то рядом, она притаилась в еловом черном лесу, кутаясь в плащ из толстой шерсти, с которой легко скатываются и капли дождя, и снег, покусывала губы, щурила глаза, примеривалась, выбирая жертву. Но так и ушла, не высмотрев добычи. Не запела тетива, не отправилась в полет отравленная змеиным ядом крючковатая стрела. Быть может, влажный туман был тому причиной?

Так что не сбылось.

Но нет-нет, и вспоминался Приску тот сон. Ну, что ж, теперь вот еще один – ему в пару...

Разбудить Тиресия, что ли, спросить, о чем говорит это появление Нонния во сне? Приск еще немного подумал и решил прорицателя не тревожить.

Кука заворочался, спросил:

– Нам вставать?

– Лежи, – отозвался Приск, – трубы еще не было.

– Хорошо бы проспать до весны.

Приск не ответил, выпростал из-под одеяла левую руку, несколько раз сжал и разжал кулак, вслушиваясь в собственное тело – не отзовется ли движение пальцев тянущей ломотной болью в плече. Потом ощупал само плечо – там, где дакийский фалькс оставил уродливый и бугристый шрам...

⁵¹ На Пейтингеровой таблице (Tabula Peutingeriana), копии старинной римской карты, есть название «Бастарнские Альпы». Считается, что это название относится к Восточным Карпатам. Скорее всего, общего названия у Карпат в те времена еще не было. Название Дакийские Альпы – допущение автора.

⁵² Квестор – начальник интендантской службы в легионе, казначей.

Тапае... крови там было столько, что бурная река стала алой. В тот день Траян велел изорвать на повязки раненым простыни из своего шатра. Приск вспомнил, как смотрел на желтое, уходящее за вершины холмов солнце, и думал, что видит светило в последний раз... Порой Гаю до сих пор не верилось, что он выжил. Приск стиснул кулак изо всей силы. Но тело молчало... разве что требовало все же покинуть теплую койку по делам вполне естественным.

А Кука, мерзавец, вновь посапывал сладко.

* * *

Приск вышел из барака, поплотнее запахнул меховую безрукавку, но все равно мороз пробирал до костей.

Лагерь Пятого Македонского еще спал – кроме часовых, разумеется.

«Мало народу... слишком мало...» – подумал Приск.

Легат легиона вместе с основными силами зимовал в Виминации, чтобы по первому приказу императора выступить на ту сторону, за Данубий. Дорога известна, цель ясна – Сармизегетуза, дакийская столица, чтоб ей в Тартар провалиться вместе с Децебалом. Хотя нет, не надо... Потому что если провалится, то не только вместе с Децебалом и защитниками, но и с золотом, которого в Дакии, сказывают, больше, чем в самом Риме.

Пятеро легионеров вернулись в лагерь по личному распоряжению Адриана. Внимание императорского племянника – оно, конечно, приятно греет душу... Да только Элий Адриан пока не наследник, и станет ли им – вопрос очень даже спорный. Уж больно извилист и сложен путь Адриана наверх. А главное, не любит Траян своего племянника, не любит, и все. Слишком они разные. Один – солдат, другой – философ. Траян воюет по зову сердца, Адриан – из расчета. А расчеты его сложны и запутаны, и планы сомнительны, в том смысле, что сомнительно их исполнение. Такие как Адриан задумывают всегда нечто грандиозное, но им редко удается воплотить свои мечты. Когда-то Адриан рассказал Приску, что мечтает построить огромный храм всех богов с окном-оком в вершине купола. Похоже, Адриан и Империю мечтал создать как этот храм – один огромный дом, где каждому хватит места – и богам, и людям под надзором всевидящего благосклонного ока мудрого императора.

Жизнь в постоянном каменном лагере сильно отличалась от той, что вели легионеры в походе. Если не случалось военной кампании, то с каждым годом военных трудов в жизни легионера становится все меньше, все больше времени проводят служилые в канабе – поселке, что разрастался поблизости. Лет через пять-десять после начала службы многие легионеры обзаводились кухарками – рабынями или вольноотпущенницами, – и по улицам канабы бегал целый выводок незаконно прижитых деток. Правда, из пятерых легионеров «славного контуберния» никто пока не имел семьи. Но разговоры то и дело заходили. Больше всего на эту тему любил болтать Кука, а вот Приск в них не участвовал. После того как он узнал от Майи, дочери ликсы⁵³ Кандида, что красавица Кориолла бежит тайком в лупанарий⁵⁴, он вообще старался на подобные темы не говорить.

Возле кухни несколько лагерных рабов не спеша кололи дрова, растапливали печь – еще только готовились выпекать хлеб. Припозднились лодыри, только к обеду успеют. Гермий, после летнего похода превратившийся из раба в вольноотпущенника, пробил деревяшкой ледяную корку в ведре, вытащил льдину, повертел в руках. Льдина была толщиной в три пальца.

– На кухне стояла, не на улице, – пояснил Гермий.

⁵³ Ликса – маркитант, снабженец легиона.

⁵⁴ Лупанарий – публичный дом.

Приск понимающе кивнул. Сильный мороз. А раз так – лед на Данабии уже достаточно крепок, чтобы выдержать всадника с лошастью. Не сегодня-завтра пожалуют варвары из-за реки. Гонцы, отосланные в Виминаций и в Диррахий, выехали восемь дней назад из Нов. До Виминация, меняя лошадей, посланец наверняка добрался. До Виминация, но не до Рима. Если Траян в Риме (а это не исключено), дело плохо.

Вчера, сначала утром, а потом вечером, уже в темноте, Кука с Приском ездили верхом к Данабийскому берегу. На том берегу наискось от Эска располагался дакийский городок⁵⁵ Сацидава. Обычно зимними ночами поселение казалось черным – если только не случилось в городке пожара. Теперь же варварский берег светился мутно-красным маревом. Означать это могло одно – сотни разожженных вокруг Сацидавы костров. Ничего необычного в этом не было: кочевники из скифских степей зимой приходили на Данабий не только грабить, но и торговать – пригоняли на продажу коней, домашний скот, рабов, привозили войлоко. По льду переходили на эту сторону отдельные всадники, вели с легионным квестором переговоры – сколько и за что римляне готовы платить. Сговорившись, опять же по льду, подвозили товары. Но в этот раз – Приск и Кука были уверены – речь о торговле не пойдет.

Вернувшись, разведчики тотчас сообщили о том, что видели, префекту лагеря. Префект и военный трибун собрали всех центурионов, совещались часа два. В обычное время варвары, скорее всего, к лагерю и не сунулись бы, – с полным легионом тягаться грабителям не по зубам. В такой ситуации легат выводит когорты из лагеря и попросту уничтожает незваных гостей. Но при нынешнем положении дел никто за ворота даже не сунется. Разумеется, тут же, еще с одним донесением отправили бенефициария в Виминаций – вдруг прежний гонец не сумел добраться. А вот что делать дальше, было не совсем ясно. Дополнительно укреплять лагерь? Он и так был укреплен – еще в прошлом году стены обновили, запасы сделали, дополнительные машины стояли в мастерских наготове. Префект лагеря отдал приказ рано утром все метательные машины проверить, натяжение жил отрегулировать, да установить, где надо, машины на стены, так что у префекта фабрума⁵⁶ работенки на следующий день будет невпроворот. Оставалась еще канаба, где почти у каждого легионера был кто-то родной или знакомый. Опять же послать людей для обороны канабы не было никакой возможности, так что придется гражданских забрать к себе в лагерь.

– А если Писк и Кука ошиблись, и никакого вторжения не будет? – спросил центурион Пруденс. – Поднимется паника, люди оставят дома, имущество...

У него у самого в канабе имелась кухарка и двое прижитых от нее детишек. Ну и половинка домика со всяким скарбом, новенькие двери и замки центурион лично поставил.

– Дом в канабе стоит шестьсот денариев, – напомнил префект лагеря. – Столько же, сколько один хороший раб. Люди дороже домов. Завтра после первой дневной стражи будем переселять.

С префектом лагеря Кука сильно повздорил – из-за того, что тот велел сдать в легионное хранилище добытые у даков браслеты. Кука уже почитал это золото своим и даже подсчитывал, за сколько его можно продать. Но прискакавший из Нов гонец привез письмо префекту от военного трибуна: Анний рассказал не только о стычке с Ноннием, но и о солидной добыче, посему с золотыми браслетами пришлось распрощаться. Приск подозревал, что Кука пару браслетов припрятал. Но подозрения эти оставил при себе.

Еще ночью префект лагеря разослал гонцов – выставить на бургах двойные караулы и чуть что, зажигать на башнях сигнальные огни... В случае нападения – отступать к лагерю.

⁵⁵ Городов как таковых в Дакии не было. Дакийские «города» – это либо племенные центры, либо крепости, ставки царских военачальников, которым могли подчиняться крестьянские хозяйства. «Город», о котором идет речь – Сацидава или Суцидава, на другом берегу реки напротив Эска.

⁵⁶ Префект фабрума – командир ремесленников в легионе. Занимался техническим оснащением легиона – «артиллерией», осадными башнями, подкопами.

Но до утра все было тихо. То есть, снаружи тихо. А внутри ограды до самой третьей ночной стражи кипела работа: вытаскивали из мастерских запасные машины, сооружали для них настилы, подтаскивали камни и стрелы.

Гарнизон хоть куда – шесть центурий из ветеранов, новички, легионные рабы, когорта ауксиллариев да легионные писцы, у этих оружие – бронзовый стиль⁵⁷, а не меч. Из старших офицеров в лагере только временный префект лагеря и один из военных трибунов, центурионов хватает, но все перестарки – из тех, у кого срок службы уже вышел, но они не ушли в отставку.

Приск поднялся на стену, долго вглядывался в бледнеющее небо на севере.

Здесь он услышал, как заиграла труба, призывая легионеров просыпаться.

«А мороз-то усиливается...» – подумал Приск отстраненно.

Может, в самом деле варвары явились торговать? Нет, тогда бы прислали гонца для переговоров, а со стороны реки никто не появлялся.

Блестел снег в первых лучах солнца. Небо было чистым и прозрачным как лед. Вдали над крышей ближайшей усадьбы вверх столбом уходил тонкой струйкой дым. Тишина и покой завораживали. Одно время, помнится, Приск пытался с высоты стен рассмотреть крыши Корнеливой усадьбы, но ее заслоняли холмы. Да что глядеть-то! Кориолла наверняка в канабе, развлекается, дрянная девчонка... Нет больше Приску дела до нее дела, – нет, и все. Пусть центурион Валенс из-за нее страдает, она ему обещана, и уж не первый год гуляет центурионова невеста, таскаясь тайком в лупанарий. А Приску уже совсем не больно, когда он думает о Кориолле. Ну, почти не больно... Только в груди немного ноет.

Приск вернулся в барак. Еще в прошлом году, пока казармы не наполнились новобранцами, Молчун и Кука оборудовали у входа небольшую кухню. Одну половину ее занимала печь, вторую – длинный узкий стол с посудой. Под столом сложены были дрова – припас на день или два. В углу имелась здоровенная глиняная бочка, в которой хранили зерно. Молчун, на все руки мастер, вмуровал дымоход между двумя стенами – так что когда печь топилась, соседнюю комнату – а это была как раз казарма «славной восьмерки» – обогревало не хуже настоящего гипокауста⁵⁸. Сейчас Молчун сидел подле печи, от него пахло травами: медик прописал ему пить по утрам и вечерам какую-то мерзкую настойку.

«Печально, но нас давно уже не восемь», – подумал Приск. И сердце на миг прихватило ледяной корочкой.

Так бывало прежде, когда Приск вспоминал о смерти отца, убитого по приказу Домициана. Теперь холод подступал, если думал о погибших друзьях. В казарме памятью о них остались надписи на стене. Квинт Марий, Крисп, Скирон. Первых двоих уже нет в живых. Скирон исчез где-то за рекой, жив ли нет, неизвестно. Малыш утверждал, что видел Скирона в горах, но многое может почудиться, когда тебя пытаются.

Пятеро легионеров значились в лагере иммунами – то есть обязаны были лишь воевать, а не работать и тренироваться. Для легионеров пятьдесят девятой центурии они продвигались вверх весьма успешно. Однако о привилегиях быстро забывают, когда опасность близка: Малыш и Тиресий определены были во вторую дневную стражу, Кука с Приском – в четвертую, Молчуна пока медик освободил от всех обязанностей.

Печь радостно полыхала. Пока Приск разгуливал по лагерю и лазал по стенам, Кука поставил на огонь ковшик с водой для завтрака. Приск взял кусок хлеба, пальцем подцепил из глиняной миски толченки – к растертому в кашницу чесноку добавлялись сыр с уксусом, лук-пырей и рута.

⁵⁷ *Стиль* – палочка для письма на вошеной табличке.

⁵⁸ *Гипокауст* – система отопления труб под полом, особенно часто применялась в банях. Гипокаустом оборудовали богатые виллы в провинциях с холодным климатом. В лагере Пятого Македонского легиона гипокауст появился в домах военных трибунов и легата после возвращения с Востока, то есть после 71-го года н. э. (по данным Герганы Кабакчиевой).

– Ну, что там? – спросил Кука без тени тревоги, склоняясь к огню.

Розовые всполохи подсветили его лицо, и в Приске на миг проснулся художник – вот бы так изобразить на фреске Вулкана⁵⁹ возле своей кузницы – эти яркие отсветы на коже, сверкающие белые зубы, темные завитки волос, уже тронутые сединой. Приск только сейчас заметил в волосах Куки седые пряди. Да он же... Сколько ему лет?!

– Тихо пока, – отозвался Приск.

На деревянном столе уже расставлены были пять глиняных чашек. Кука разлил горячую воду, добавил из кувшина вина и поставил на печь миску со вчерашней кашей – разогреваться.

Последним на кухню соизволил выйти Тиресий, подсел к столу, взял чашку, хлебнул горячей воды с вином. Кука наполнил его миску кашей. Никто не попрекнул провидца за сонливость. Если Тиресий спал после того как прозвучала лагерная труба, значит, сон ему снился особенный. Но какой именно, Тиресий пока не торопился никому сообщать.

Лагерная жизнь приучила легионеров завтракать обстоятельно. Бой на голодный желудок – проигранный бой. Не верьте тому, кто утверждает обратное. Все равно, если меч вспорот брюхо, лишь один счастливчик из тысячи может выжить – да и то, если медик на месте прополощет кишки крепким вином, уложит все обратно да зашьет. То есть, считай, шансов нет никаких. Так что лучше сытно поесть и надеяться, что доспехи защитят твой живот от вражеского фалькса.

Отвлечь от еды могла лишь прямая атака противника.

– Кашу ешь, центурион. Хуже всего стоять на стене на голодный желудок! – Пихнул Гая в бок Кука.

Когда он хотел в чем-то уязвить Приска, то всегда именовал его центурионом. Звание молодому легионеру было обещано вне очереди, как только наберется достаточно боевого опыта. Но после ранения ни центурион Валенс, ни Адриан, их покровитель, не упоминали об этом обещании. Так что посеребренная лорика и поперечный алый гребень оставались по-прежнему недостижимой мечтой.

«И все оттого, что мы перестроились недостаточно быстро», – вспоминал сражение при Тапае Приск и стискивал зубы так, что сводило скулы.

Уже по возвращении в лагерь Приск изготовил тупой макет фалькса и заставлял Куку раз за разом наносить удары, а сам, вооружившись учебным гладиусом, пытался найти защиту против страшного оружия. Ничего не получалось. Без прикрытия соседа справа десница то и дело оказывалась под ударом. Можно, конечно, надеть защиту на правую руку – но она сковывала движения. К тому же тонкий металл наруча⁶⁰ страшный фалькс перерубал без труда.

«Ну, какой я после этого центурион? – мрачнел Приск. – Мальчишка честолюбивый и себялюбивый. Всю мою центурию положат. Ведь я не умею, как Валенс, руководить, высчитывать, выгадывать, чуют потрохами, где моим людям удар нанесут. И мгновенно принимать решения».

Но при этом знал, что, если представится случай, ни за что не откажется надеть на шлем поперечный гребень. Знал, что именно этого ему и хотелось всегда – отвечать за других, отдавать приказы и держать в руках чужие судьбы.

– Что будем делать сегодня? – спросил Малыш, наваливая из общего котелка себе в тарелку остатки каши и выскребая присохшие корочки ложкой.

⁵⁹ Вулкан – римский бог огня и кузнечного мастерства, отождествлялся с греческим Гефестом.

⁶⁰ Во время дакийских войн легионеры в армии Траяна носили поножи и защиту на правой руке, тогда как в других кампаниях поножи полагались только центурионам.

– Ты и Тиресий – в караул. А мы с Приском в канабу идем, – ответил Кука. – Народ переселять в лагерь, велено все сделать без паники.

– Сегодня варвары еще не придут... ни сегодня, ни завтра... – проговорил Тиресий, на миг опять погружаясь в себя и глядя прямо перед собой остановившимся взглядом.

В такие минуты его черные глаза казались еще более глубоко посаженными, чем обычно, он плотно стискивал зубы, но при этом беззвучно шевелил губами. Приск был уверен, что эта привычка осталась у Тиресия с той поры, когда он предсказывал будущее за деньги, и, спасаясь от преследований, поступил в легион.

– Может, они вообще не явятся? – хмыкнул Кука.

– Явятся. В Малой Скифии⁶¹ уже переправились, – сказал предсказатель.

* * *

– Ну, давай посмотрим, что тут у тебя... – Антистий остановился напротив деревянной клетки, оперся на резной посох.

С некоторых пор грек не выходил уже никуда без палки и без провожатых – этим летом Антистию исполнилось шестьдесят – время, когда надобно отходить от дел и предаваться лишь сладостному досугу. Но торговец и не думал об отдыхе, а сына, который осмелился лишь намекнуть на подобное, в сердцах отходил палкой. Антистий был маленьким шустрым человечком с черными живыми глазами, одет в две теплые туники, поверх которых накинута меховая плащ. Как только январские иды⁶² миновали, сразу же ударили морозы, так что старый грек теперь месяца два как минимум будет мерзнуть, как в Аиде. Однако ни морозы, ни почтенный возраст не помешали Антистию прибыть из Диррахия в канабу Пятого Македонского. Увы, он опоздал, и почти все привезенные из Дакии пленники оказались проданными. Теперь на рынке рабов в канабе оставалась единственная клетка: так сказать, последки, из тех, кого приволокли на правый берег Данубия уже с первым снегом.

– Товар отличный! – с фальшивым восторгом в голосе воскликнул ликса Кандид и сделал знак вольноотпущеннику Борку, чтобы тот отворил клетку и вывел рабов. – Отдам по триста денариев за голову.

Первым Борк вытолкнул наружу здоровяка-дака, за гигантом – всех остальных.

Последний из рабов выходить не желал и даже попытался забиться подальше в угол, как побитый щенок, так что Борк выгнал его из клетки пинками. Этот последний парень в грязных лохмотьях был избит – уже не раз, – а левая его рука висела плетью.

Антистий пожевал верхнюю губу с редкой седой растительностью, скривился и вымолвил:

– По сто пятьдесят денариев.

– Двести пятьдесят, – и только из дружбы к тебе, – ликса Кандид изобразил, что оказывает милость старому приятелю.

– Кандид, чтоб тебя по башке Зевс своим перуном шархнул! По двести пятьдесят мне этих доходяг не продать даже в розницу, не то что оптом. А я не доведу всех, Гермес, покровитель мой, свидетель!

– Что?! – принялся театрально возмущаться Кандид. – Антистий, да чтоб тебе в Тартар провалиться! Да вот этот красавец не меньше тысячи стоит! – он ткнул пальцем в сторону здорового дака.

Дак, на которого указал Кандид, в самом деле был хоть куда. Ликса стукнул кулаком раба по широкой выпуклой груди – гул пошел, будто ударил по медному щиту. Пленный

⁶¹ *Малая Скифия* – район современной Добружи.

⁶² Т.е. после 13 января.

был выше ликсы на целую голову – в плечах широк, руки такие, что заготовку меча согнуть могут, как тонкий пруттик. Ноги, впрочем, коротковаты и кривоваты, да то не беда – кто будет смотреть на его ноги, когда парню придет черед умирать на арене. А что здоровяку прямая дорога в школу гладиаторов, ни грек Антистий, торговавший рабами, ни ликса Кандид не сомневались. Могли гиганта, правда, пристроить куда-нибудь на стройку вращать колесо подъемного крана или ворочать камни, но три против одного, что перед покупателем стоял будущий гладиатор.

– Как звать тебя? – обратился Антистий к пленнику.

Разговор шел на греческом.

Тот что-то пробормотал едва слышно. Явно не свое имя.

– Я кличу его Тифоном, – весело заявил Кандид. – Их варварские имена не сразу и выговоришь. А так понятно: крикнешь «Тифон», и сразу ясно, что зовешь этого титана.

– Тифон хорош, – подтверждающе кивнул Антистий.

– А девчонка, гляди! – Ликса ухватил за костлявый локоть девчонку лет восьми, вытаскивал вперед.

Она была светленькая, голубоглазая, и в будущем, возможно, красавица, но рабыня была именно девчонкой, ребенком, а не милашкой для утех.

– Девственница, – заявил Кандид.

В это можно было, хоть и с трудом, но поверить – девчонка еще первую кровь не уронила, а груди даже не наметились – вряд ли кто-то на нее позарился, если вокруг полно девок и баб в самом соку.

– Эту малявку мне удастся сбить разве что как служанку – ей до нужного возраста еще лет пять, не меньше, – фыркнул грек. – Ладно, беру по двести денариев восьмерых.

– Восьмерых? – переспросил ликса. – Но их же девять.

– Этот лишний! – грек указал на избитого парня с изувеченной рукой.

Паренок был среднего роста, белокожий. Несмотря на грязь и следы побоев, видно было, что юноша на редкость красив. Только левая рука висела, как кожаный мешок, набитый тряпьем.

– Этого я никому не продам. Не будь он калекой – взял бы по отдельной цене за тысячу – за такого красавчика в Риме мне дали бы две. А так... – грек презрительно выпятил губу. – Он ничего не стоит.

Антистий и ликса говорили по-гречески и по тому, как жадно мальчишка вслушивался в их разговор, было ясно, что он понимает все до последнего слова. Да и внешне парень мало походил на дака – уж скорее по крови был он греком из приморской колонии. Пленник несколько раз порывался заговорить, даже приоткрывал рот, но всякий раз Борк наносил парню болезненный удар под ребра, и тот скрючивался от боли.

– И что мне с ним делать? – спросил ликса и погрозил Борку кулаком.

Еще бы! Его вольноотпущенник дал маху: не усмотрел, что парень калека, когда забирал оптом у легионного квестора партию пленных.

– Продай его в порт или в рудники, – посоветовал Антистий. – Ноги у него целые, будет бегать в колесе, вращать подъемный кран, полгода протянет, может, даже год. За него денариев пятьдесят дадут.

– Господин, умоляю... – калека вытянул здоровую руку в сторону ликсы.

Тот отвернулся. А Борк отвесил парню новую оплеуху. Антистий прав – придется скинуть однорукого по дешевке куда-нибудь на тяжкую и примитивную работу.

– Я возьму парня, заплачу сто пятьдесят денариев, – услышал грек за спиной.

Антистий обернулся.

Два легионера стояли неподалеку – один среднего роста, телосложения не слишком могучего, скорее даже хрупкого, в кожаной дорогой лорике с птеригами, какие надевают

офицеры под панцирь, второй – смуглый, коренастый, с темными курчавыми волосами, в меховой жилетке поверх шерстяной туники. У обоих лица все были в ссадинах и застарелых синяках, успевших приобрести желто-зеленые оттенки: у смуглого глаз подбит, у его приятеля скула залеплена пластырем.

– В чем дело? – спросил Антистий.

Присутствие этих двоих парней ему очень не понравилось.

– Мои свидетели, римские граждане Гай Осторий Приск и Тит Клавдий Кукус, – спешно представил легионеров Кандид.

Вообще-то Кандид их не звал, он даже не знал, что Приск с Кукой вернулись в лагерь, но появились они очень даже кстати. Заключать с Антистием договор купли-продажи без свидетелей было делом, мягко говоря, глупым, однако торговец надгробиями Урс и его старший сын, которых ликса планировал указать в свидетелях на договоре, почему-то не пришли сегодня на рынок рабов. Вообще в этот день с утра в канабе творился какой-то непорядок, но занятый перебранкой с Антистием, ликса не успел разузнать, в чем дело.

– Доблестные воины Пятого Македонского легиона, присланы в лагерь для поправки здоровья вплоть до весенней военной кампании. Отличились в битве при Тапае, – отрекомендовал ликса этих двоих с опухшими от побоев физиономиями.

Антистий счел за лучшее промолчать: вольноотпущеннику-греку не следовало сомневаться в доблести римских воинов, как бы подозрительно эти воины не выглядели. Посему торговец рабами сразу же подобострастно изогнул спину, на губах заиграла сладкая до приторности улыбка.

– Стоило ли беспокоить наших доблестных воинов ради такого мелкого дела...

Кандид спешно махнул рукой, подзывая своего писца, которого громко именовал личным секретарем. Щуплый паренек достал заранее приготовленные таблички и принялся записывать предварительное соглашение.

– «Торговец Антистий в десятый день до календ февраля⁶³ в год консульства Луция Юлия Урса Сервиана во второй раз и Луция Лициния Суры⁶⁴ во второй раз, купил восемь рабов у римского гражданина Марка Клавдия Кандида, сына Марка, за 1200 денариев. Договор заключен в канабе Пятого Македонского легиона, у реки Эск. Свидетели договора римские граждане Гай Осторий Приск и Тит Клавдий Кукус. Покупатель не является гражданином Рима...»

Бронзовый стиль так и летал, взрезая воск на табличках.

– Все верно? – переспросил Кандид.

Грек проверил запись и кивнул. Потом вздохнул фальшиво:

– Уступил лишь ради твоей улады, друг мой Кандид.

Писец побежал в таверну – переписывать договор на трехстворчатый складень из деревянных табличек, Антистий же хлопнул в ладоши, и его надсмотрщики принялись заковычивать в кандалы Тифона. Тот не пробовал сопротивляться. Когда ему велели, покорно поднимал руки и ноги; поворачивался, но смотрел мрачно. На лице его застыло отрешенное выражение. Остальные – девчонка, две уже немолодые женщины и трое мальчишек лет по восемь-двенадцать, были водворены в клетку на телеге без оков.

– Овчину всем дайте, а то замерзнут в дороге, – принялся хлопотать вокруг живого товара Антистий. – И горячей воды с вином. Да вино настоящее, хиосское, а не уксус прокисший. Горячей похлебки всем так, чтобы от пуза. В такие холода везти пленных – делодохлое. Половина перемрет.

⁶³ 23 января.

⁶⁴ *Луций Лициний Сура* – видный государственный деятель, друг Траяна и Адриана. *Юлий Урс Сервиан*, (родился около 45 года, – умер в 136 году) – политик во времена императоров Нервы, Траяна и Адриана. Был женат на старшей сестре императора Адриана, Элии Домиции Паулине.

– Эти ребята к морозам привычные, – заверил Кандид.

– Куда повезешь их? – спросил Приск, поглядывая на здоровяка-дака.

Интересно, как получилось захватить в плен такого гиганта и не поранить? Разве что камнем из пращи могли в голову попасть и оглушить.

– В Диррахий, – отозвался грек.

– Вези быстрее, – посоветовал Приск. – А то холодает.

– Да уж как-нибудь доведу... – Грек явно собирался ляпнуть что-нибудь дерзкое, да вовремя прикусил язык. – Поторапливайтесь! – напустился он на своих людей. – Сегодня же выезжаем!

Приск поглядел на него как-то странно – с сожалением, что ли.

– А с этим что делать? – мотнул Борк головой в сторону раба-калеки.

– Я его покупаю, пусть за мной следует, – приказал Приск.

– Покупает он! – возмутился ликса. – У тебя найдется сто пятьдесят денариев?

– Я слов на ветер не бросаю.

Юный грек встрепнулся, поглядел на легионера с надеждой. Правда, быть рабом у легионера – доля не самая сладкая, но все же лучше, нежели вращать на стройке колесо подъемного крана. Так что парень почти с радостью потрусил за торговцами и легионерами в ближайшую таверну, где должен был состояться расчет.

В таверне, еще раз перечитав договор, Антистий отсчитал золотые. Кандид каждую монету осматривал, пробовал на зуб, вглядывался в чеканку и только после этого складывал в столбик. Таверна эта была лучшая в канабе. Здесь собирались отставные ветераны, многие из них приходили с самого утра и оставались до вечера. Вот и сейчас четверо расположились возле термополиума. Кандид приветствовал их, оба легионера так же отсалютовали отставникам. Приск и Кука уже не были новичками, но в глазах тех, кто отбарабанил в легионе двадцать шесть лет, выглядели по-прежнему мальчишками.

Кандид заказал вина с горячей водой и пряностями, бобовую похлебку с салом, хлеб и окорок. Антистий, осушив один кубок и наскоро перекусив, стал прощаться – торопился еще сегодня выехать с товаром в Диррахий.

Вольноотпущенник Борк присел сбоку от хозяина, а изувеченный раб и вовсе в сторонке. Трактирщик лично принес гостям новый кувшин с вином.

Кандид попробовал вино, одобрительно кивнул.

– Не люблю я это время года. Каждую зиму волки заречные лезут на нашу сторону. Одна надежда: Траян их крепко прижучил. Я уж и обет дал поставить по весне алтарь, избежав опасности, – Эскулапу и Гигии, богам-хранителям и Геркулесу Непобедимому, – принялся перечислять свои тревоги и опасения ликса. – Камень для алтаря присмотрел – лучший белый мрамор, сверкающий, будто Селена в полнолуние. Я бы и вам советовал заказать алтарь Эскулапу и Гигии за излечение от ран. А то... не успели старые зажечь, новых набрали, как пес бродячий блох. Кто это вас так?

– Свои, – отрезал Приск, давая понять, что подробности сообщать не намерен.

Товарищ его был настроен куда более миролюбиво.

– Как жизнь-то, Кандид? – спросил Кука снисходительно, с некоей долей панибратства в голосе.

Нахал, он и новобранцем не робел перед каждым, а теперь набрался уверенности и гонору.

– Да как-то не особенно, – неожиданно даже для себя признался ликса.

– Что так? – поднял брови Приск.

Учитывая синяки, пластырь и разбитые губы, выглядело это комично.

– Если честно, мне домой идти не хочется, – продолжил ликса. – После того как Маюшка вышла замуж, дом вовсе осиротел. Скучно как-то. Только слышно, как супруж-

ница с рабами ругается. Но в те дни, что Майя у меня ночует⁶⁵, еще хуже. Такая ругань у них с матушкой, что хоть из дома беги... – Кандид поморщился. – Девочка моя все больше балует. И некому приструнить...

Он выжидательно посмотрел на легионеров. Приск отвернулся, а Кука понимающе хмыкнул.

– Встречали ее... там? – Кандид мотнул головой вправо – за стеной таверны помещался лупанарий, и владел им один из его вольноотпущенников. Ликса обычно делал вид, что к данному заведению никакого отношения не имеет.

– Доводилось, – признался Кука. Впрочем, кажется, не для кого уже не было тайной, где проводила ночи молодая матрона.

– Муж-то у нее слабосильный, не обрюхатил красавицу, вот она и чудит. – Кандид говорил таким тоном, будто не он самолично выбирал жениха, и выбрал в итоге старого да богатого, мнения дочери не спросив. – Подруги прежние ее сторонятся. Кориолла, как узнала про ночные приключения Маюшки, так с тех пор к нам носа не кажет – сидит у отца в поместье, как будто боится, что Майя ее с собой позовет.

Приск дернулся, как от удара.

– Корнелия... – пробормотал он. – Она, помнится, зимой у тебя в доме проживала. Разве в эту зиму не у тебя?

– А теперь не живет! – вздохнул Кандид. – Так и сказала: не пристало невесте центуриона Валенса жить в доме, где Майя бывает.

Друзья переглянулись. Приск еще больше нахмурился и глянул на ликсу исподлобья.

Тот ничего не заметил и продолжал:

– Ребенок ей нужен, как ребеночек появится, так она угомонится, перестанет чудить.

Заявление более чем спорное, но опять же легионеры ничего не сказали в ответ.

– Кука, ты ей больше других по нраву... Станешь отцом ее ребенка. – Сказано это было без вопросительных интонаций.

– Я? – изумился тот.

– Пятьсот денариев заплачу, если Майя родит.

– Ну, я это... сделать могу. Да только она наверняка плод вытравит.

– Это уж мое дело за ней присмотреть, – заявил отец блудной дочери.

– Договор заключать будем? – спросил Приск и как-то недобро прищурился.

– Договор? – Ликса заерзал на скамье. – Письменный? Нет... На словах сговоримся.

Ты, Гай Приск – свидетель. Как только Майя понесет, я сразу деньги заплачу.

– Если сын родится, доплатишь еще двести, – добавил Приск неожиданно жестко.

У Кандида от такой наглости рот открылся.

– И, кстати, – продолжал Приск. – Разве супруг юной Майи с нашим Кукой сходен чертами?

– Фавст? Нет, ни капельки. Но это неважно. Ну, как, сговорились?

– Наш герой приложит все силы, – Приск хлопнул товарища по плечу. – Это он обещает.

– У нас для тебя сообщение, – шепнул Кука, наклоняясь над столом так, что чуть не искупал завязки от плаща в миске с похлебкой.

– От кого? – не понял ликса.

– От Децебала.

– Лично?

⁶⁵ Обычная форма заключения брака в Древнем Риме, согласно которой жена могла оставаться под опекой отца, но при этом требовалось, чтобы определенное количество ночей супруга ночевала в доме родителей. Заключая такой брак, женщина оставалась куда более самостоятельной.

– Это вряд ли. – Кука прищурился. – Дело вот в чем: шайки варваров могут в любой момент перейти реку по льду. Две мили до Данубия отсюда, так что прискакать им в канабу не сложнее, чем вознице сделать пару кругов в Большом цирке.

– Ох, уж этот разбойный люд – что ни делай, а они все равно плодятся будто клопы.

– В эту зиму появятся не только разбойники, – предрек Приск.

– У тебя что, сведения верные от кого-то? – Ликса завертелся, будто рыбина, угодившая живой на сковороду.

– Приказ есть: к первой ночной страже всем из канабы в лагерь перейти, – сообщил Кука. – Префект лагеря к декуриону канабы сегодня рано утром отправился. Разумеется, смельчаки могут остаться. Но мы не советуем тебе задерживаться. Легионеров в лагере мало, оборонять канабу мы не можем, а вот разместить гражданских в казармах – это, пожалуйста.

– Так что же, я должен здесь добро бросить?

– Что сумеешь с собой взять – вези. Но дом даже тебе прихватить не удастся.

– Нет, так не пойдет! – возмутился ликса.

– Твоя воля! Можешь остаться и подождать, когда варвары появятся, – не слишком дружелюбно посоветовал Приск, потом открыл кошелек и выложил на стол шесть золотых: – Сто пятьдесят денариев, как ты просил – за мальчишку-раба.

Ликса поглядел на прикорнувшего неподалеку парня. Эх, если бы не рука, то его и за две тысячи можно было бы продать! Вот именно – если бы...

– Ладно уж! – Кандид повернулся к писцу. – Давай, составляй договор.

Приск отломил от лепешки половину, поднялся и вместе с недопитым теплым вином поставил перед калекой.

– Ешь, – сказал легионер.

Тот вздрогнул, очнулся, непонимающе уставился на глиняную чашку и кусок хлеба.

– Как тебя звать? – спросил Приск у калеки.

Тот едва не подавился, спешно проглотил недожеванный кусок и сказал:

– Аристей.

– Странное имя для дака.

– Я грек... наверное, – пробормотал юноша. И покосился на Борка, будто ожидал удара. На его счастье, вольноотпущенник сидел далеко и до раба никак не мог дотянуться.

«Аристей, человек, который появляется и исчезает... Может обратиться вороном», – припомнил Приск рассказанную Геродотом⁶⁶ легенду.

Грек едва заметно улыбнулся и Приск понял, что юноша тоже слышал эту историю.

Легионер хотел спросить, что значит это «наверное», но в этот момент дверь в таверну отворилась, и в обеденную залу в клубах морозного пара ввалился невысокий кругленький человечек, с головы до ног закутанный в меховой плащ. Под возмущенные крики обедавших гость неспешно притворил дверь, откинул с головы капюшон и огляделся. У него было румяное улыбочивое лицо и курчавые черные волосы. Массивный нос занимал пол-лица.

– Терпеть его не могу, – прошипел ликса и попытался укрыться за спинами легионеров, чтобы гость его не заметил.

– Мне нужен ликса Кандид! – объявил вошедший на все таверну.

Сразу несколько пальцев указали на снабженца Пятого Македонского легиона.

– Будь здрав, ликса Кандид, – подкатился к столу гость.

– И тебе того же, Калидром. Наместник тебя еще не отпустил на свободу?

– Наместник провинции Лаберий Максим доверяет мне вести наиважнейшие дела от его имени! – объявил Калидром так, будто сообщил, что он прислан новым легатом Пятого

⁶⁶ Геродот Галикарнасский (484–425 до н. э.) – древнегреческий историк, автор первой «Истории».

Македонского. – Хотелось бы мне знать, где пребывает ныне стекло, заказанное в Аквилее моим патроном.

– Стекло? – искренне удивился ликса.

– Драгоценнейшие стеклянные кубки. Патрон в нетерпении ожидал их еще месяц тому назад. Но вместо кубков получили мы донесение, что груз со стеклом из Аквилеи придерживают в здешней канабе.

– Донесение... – фыркнул Кука. – Как будто речь идет о войсках!

– Из Италии в последний месяц прислали только глиняные светильники и еще немного посуды, но это все для легиона, мной заказано, – заявил ликса, почти что оправдываясь. – Стекла не было.

– Я всегда блюду правила истины, – приосанился Калидром. – Возьмись я за составление анналов, то прослыл бы наиправдивейшим рассказчиком. Если я говорю, что стекло должны были прислать, значит, кто-то не выполнил предначертанные установления.

– В лагере поищи! – посоветовал Приск, усмехнувшись.

– И поищу, коли в таком действе окажется надобность! – заявил Калидром. Спеси в нем было не меньше, чем в самом наместнике. – А сейчас я должен осмотреть склад – не затерялось ли где мое стекло.

– Ты хотел сказать: стекло наместника, – поправил его ликса.

– Блюдущий чужое имущество как свое, имеет право охраняемое называть своим, – тут же последовал ответ.

– Ты что-нибудь понял? – поинтересовался Кука у своего приятеля.

Приск лишь взлохматил волосы ото лба к затылку.

– Я должен осмотреть склад! – повторил Калидром, ничуть не смутившись.

Ликса, кряхтя, поднялся, протянул Приску таблички с договором и вновь покосился на кругленького гостя:

– Совсем недавно был пекарем у наместника, а как поднялся-то!

– Я до сих пор пекарь, готовлю лучшие сладкие пирожные! – заявил Калидром.

Приск с Кукой рассмеялись, а ликса вздохнул и удалился вместе со слугами вслед за удачливым поваром.

* * *

Друзьям же пока торопиться было некуда. Заступать в караул надо было только вечером, обходить дома и гнать жителей канабы в лагерь должны были другие.

– Ай да Майя! – покачал головой Кука. – Как она подружку-то оклеветала! Вот стержовина! – в голосе его, однако, не слышалось осуждения. Скорее, он восхищался поступком развратной красотки. – Выходит, она одна искала приключения на свою киску. А ты же поверил, клянусь Геркулесом, дурашка, поверил, что Кориолла тоже в лупанарии трудится! – Кука несильно ткнул Приска кулаком в плечо. – Ведь поверил!

– Прекрати! – отмахнулся Приск. – Меня это не касается. Она – невеста Валенса, а не моя.

– Нет никакого дела? – передразнил Кука. – Чего ж ты в своем письме написал «милая сердцу моему Кориолла. Люблю я тебя и ненавижу – точь-в-точь как писал Катулл, но любовь в моем сердце сильнее...»

– В письме? – переспросил Приск. – Так ты... ты... – он задохнулся. – Как ты смел распечатать и прочесть мое письмо?

– Лучше я, чем кто-то другой, – невозмутимо отвечал Кука. – И скажу я тебе вот что: в сердечных делах ты дурак дураком. То есть в других делах ты умный парень, а в делах

Венеры – дурак. Валенс никогда на Кориолле не женится, он вообще ни на ком не женится, потому что никогда не уйдет из легиона.

– Еще одно лето... – пробормотал Приск. – Кампания закончится, он выйдет в отставку и...

– А вот и нет! Спорим на сто... – практичный неаполитанец сообразил тут же, что ставка высоковата. – На пятьдесят денариев, что не уйдет. Он будет служить до самой смерти, пить как испанец и клясться, что вот-вот остепенится. Мой совет: как только Валенс со старым Корнелием вконец разругаются, хватай девицу и вези в канабу. Папаша такому обороту дела будет только рад. Девица в невестах засиделась, плод малость, так сказать, перезрел. Зато вкус будет... м-м-м... – новый тычок в бок Куку только раззадорил. – Ты центурионом станешь после победы, это уж точно. Ну, так как, спорим?

– Хорошо, спорим! – согласился Приск.

– А-а-а! Готов поспорить еще на пятьдесят, что ты рад проиграть мне этот полтинник.

– Уймись, – одернул его Приск.

Он подзвал хозяина, расплатился. Потом тряхнул за здоровое плечо Аристея – тот опять уснул – и, поднявшись, повернулся к сидящим в таверне.

– Теперь всем слушать меня! Радостное и краткое сообщение. Собирайте свое барахло и бегом живо в лагерь! Не сегодня-завтра здесь будут варвары, канабу разграбят, сожгут и обратят в прах. Задерживаться никому не советую. Можно не успеть унести свою задницу.

– Разве легион не должен нас защищать? – спросил кто-то из сидящих.

Приск, вдруг придя в ярость, треснул ногой по скамейке, сиденье треснуло, оторвалось от ножек, и вместо грубоватой работы местного плотника образовалась груда дров.

– Ты сломал скамью! – завопил хозяин.

– Это чтоб легче было расставаться с барахлом! – огрызнулся Приск. – Приказ всем до темноты прибыть в лагерь. Доходчиво объяснил?

Ему никто не ответил. Новость всех ошеломила.

– Чего ты злишься? – шепнул на ухо товарищу Кука.

– Не знаю, – соврал Приск.

Хотя знал прекрасно – злится он на себя за то, что поверил Майиному оговору, ее грязные слова ему будто разум затмили. Как он мог столько времени ненавидеть девушку, которую на самом деле любил?

Неведомо, правильно истолковал Кука его настроение, или нет, но дружески хлопнул Приска по спине – мол, все поправимо, дружище.

* * *

Они вышли из таверны. Новоприобретенный раб плелся следом, кутаясь в грязные лохмотья.

– На кой тебе сдался этот мальчишка-калека? – покосился на юношу Кука.

– Мы же давно хотели подыскать раба, чтобы в казарме прислуживал.

– У него же только одна рука, не заметил? – хмыкнул Кука. – Отправь его лучше в Томы. Пусть просит милостыню у какого-нибудь храма, куда заглядывают в основном женщины. Хоть бы у храма Дианы, Бендис по-здешнему. Бабы – они жалостливые, будут кидать калекке медяки.

– Он стоил немного, – напомнил Приск.

– Но жрать-то будет как любой другой.

Приск задрал рукав шерстяной туники и птериги кожаной лорики, продемонстрировав красный бугристый шрам.

– Пройди фалькс чуть глубже, я был бы точь-в-точь таким, как он – то есть никому не нужным калекой. А ликса по нынешним временам наверняка его оставит в канабе – стеречь свое барахло. То есть на верную смерть. Он – грек, даки его не помилуют.

– Никогда не думал, что ты вот так будешь распускать слюни. Раб должен работать, а этот... – тут какая-то мысль посетила Куку и заставила его умолкнуть на полуслове. – Эй, парень, поди-ка сюда... Покажи-ка свой шрам.

Раб послушно задрал лохмотья. Плечо было неестественно вывернуто, распухло, но шрамов на коже не проступало.

– Да этот красавчик попросту недавно вывихнул руку, клянусь Геркулесом! – изумился Кука. – Как же ликса этого не понял? Или его сторожевой пес Борк не сообразил?

При имени «Борк» Аристей вздрогнул, как будто Кука кликнул лохматого нумидийского пса, что приучены рвать людскую плоть – такие охраняли ворота римских крепостей на дакийской земле.

Приск усмехнулся:

– Все ясно: Борк сам вывернул руку парню. А чтоб не получить от хозяина взбучку, сказал, что его продали раненым. Так ведь все и было?

Аристей несколько раз спешно кивнул.

– Тем лучше! – засмеялся Кука. – Тебе достался сильный и крепкий раб почти что задаром. Надо срочно отвести его к медику, чтобы вправил плечо. И как только ты сумел обдурить Кандида! – восхитился Кука. – Ты же у нас самый честный, не врешь, не доносишь, а Кандида надул.

– В чем я соврал? – спросил Приск, и в голосе его мелькнуло раздражение.

– Да нет, ни в чем... Но сообразил, что парень вовсе не калека.

– Нет, не сообразил. Я – не медик.

– Но почему... Нет, но... – Кука окончательно запутался и махнул рукой, так и не задав вопроса.

Приск не стал рассказывать Куке, что видел этого парня несколько лет назад. Здесь же – в канабе Пятого Македонского. Военный трибун Элий Адриан в этой самой таверне рисовал торс Аристея, тогда еще совсем мальчишки, на отбеленной гипсом доске. Возможно, парень сбежал на ту сторону Данаубия к дакам. А те дали ему в руки меч и велели: воюй. Или все было не так? Почему-то Приск был уверен, что Аристей никогда не расскажет, как он очутился в партии рабов.

* * *

Видя, что добровольно жители канабы за лагерные стены не торопятся, префект послал в поселок ауксилляриев – гнать взащей всех в лагерь в приказном порядке.

Посланцам префекта велено было говорить, что жители переселяются временно, пока не прояснится обстановка.

Спору нет, стены у канабы имелись и свои, правда невысокие – из дерева и земли. Точно такие же прежде, во времена Клавдия и Нерона⁶⁷, защищали и сам лагерь. Но со временем последний обзавелся каменными укреплениями, а канаба так и осталась под защитой деревянного частокола. Имевшимися в лагере силами в случае нашествия канабу было не удержать.

Уже темнело, а в лагерь все еще тянулись люди с повозками, тащили корзинки с припасами, клетки с мелкой живностью, мешки с мукой и нехитрым скарбом, на телегах и мулах

⁶⁷ За полвека до описываемых событий. Император Тиберий Клавдий (10 г. до н. э. – 54 г. н. э.), римский император 41–54 гг. н. э... Император Нерон Клавдий Цезарь Август (37–68 гг. н. э.), римский император 54–68 гг. н. э.

перевозили добро тех, кто побогаче. Бедняки несли на себе пожитки и малых детей, дети постарше бежали следом, оглашая округу плачем, последними ковыляли старики. Только хозяин винной лавки отказался переезжать, хотя префект предлагал ему в помощь солдат – перенести амфоры с вином. Остались и живущие в канаве геты в надежде, что варвары их не тронут как своих по крови. Глядишь, еще и самим что-то перепадет из брошенного барахла. Многие хозяева оставляли в канаве старых или мало на что годных рабов – стеречь оставшиеся без присмотра дома.

Маленьким царьком вступил в лагерь ликса Кандид – с чадами и домочадцами, с ручными птицами, собаками, кобылами, мулами, повозками, на которых везли мебель и бронзового быка – того самого, на котором восседал во время пирушки сам Кука, а Приск пытался накормить быка паштетом.

Кука и Приск, стоявшие в карауле, наблюдали эту картину с высоты стены.

– А ты уверен – ох не могу, умру сейчас, – начал корчиться от смеха Кука, едва заприметил быка, – ты уверен, что быки не едят паштет? – воспоминания о славной вечеринке в день их прибытия в Эск уже много лет служили неиссякаемым источником многочисленных шуток в контубернии.

– По-моему, там внизу твоя Майя! – Приск заметил в пестрой толпе знакомую гибкую фигурку. – Гляди, не опоздай, а то кто-нибудь другой получит от папаши твои денарии.

Стемнело, очередная смена караула уже поднимались наверх.

Едва обменявшись паролями со сменщиком, Кука ринулся вниз, живо растолкал беженцев и, не обращая внимания на толстого человека лет пятидесяти с серым больным лицом, увел красотку в барак казармы. Серолицый проводил парочку покорным воловьим взглядом и беззвучно шевельнул губами.

Пришедший следом Приск поздоровался с ликсой.

– А, наш герой! – преувеличенно радостно воскликнул Кандид. – Фавст! – обратился он к зятю. – Этот парень завалил десять варваров в битве при Тапае. Его вот-вот сделают центурионом.

Серолицый Фавст кисло улыбнулся.

– Корнелий, дурень, отказался переезжать! – тут же сообщил Кандид. – Сказал – стены и ворота в усадьбе крепкие, любую осаду выдержат. Ну, ему виднее, он Иерусалим брал, знает толк в укреплениях и осадах.

– Ты видел Корнелия? Когда? – почти закричал Гай.

– Да сегодня, как только с вами расстался. Корнелий приезжал в канаву покупать масло.

Приск стиснул кулаки. Вот же не повезло! Он мог встретиться с отцом Кориоллы, и уж тогда бы настоял на переезде... Ветеран куда охотнее прислушается к словам легионера, нежели к доводам пузатого ликсы.

– Хоть бы женщин да детей отправил! – в сердцах воскликнул Приск.

– Я ему тоже самое советовал! – заявил Кандид. – Ну, и где тут можно расположиться?

– Бараки с тридцатой по сороковую центурию свободны.

– Бараки? – Ликса обиженно выпятил губу. – Да в этой вашей казарме холодрыга ужасная, жить невозможно.

Он огляделся, и лицо мгновенно приобрело хищное выражение.

– Приск, друг мой... А сколько военных трибунов нынче в лагере⁶⁸?

– Один, – ответил Приск и понимающе усмехнулся: сразу догадался, куда клонит ликса.

⁶⁸ В легионе служили шесть военных трибунов. Трибун-латиклавий был кандидатом в сенаторское сословие, обычно занимался штабной работой и был моложе двадцати пяти лет, считался по рангу ниже лишь легата легиона. Остальные пятеро – трибуны-ангустиклавиусы обычно имели военный опыт, принадлежали к всадническому сословию и получали эту должность в возрасте около тридцати лет.

– Так значит, дома трибунов пустуют. Верно, и дом трибуна-латиклавия, где жил прежде Адриан, тоже не занят?

Приск пожал плечами – распоряжения занимать дома офицеров никто не отдавал. Но и не запрещал. Надо полагать, префект лагеря получит с ликсы определенный подарок за возможность поселиться в удобном и теплом домике с гипокаустом.

– Эй, шевелись, занимай вон тот приют, – принялся подгонять своих домочадцев ликса. – Всем вместе селиться, чтоб мне не бегать за своими рабами в ближайший барак! – прикрикнул ликса на вольноотпущенника. – Скарб внутрь заносите, на улице не оставлять! Раскрасудт. Майка где? – оборотился к зятю.

– Гулять ушла, – ответил тот. – Поискать?

– Не надо. Пускай гуляет.

И он, воображая, что никто не видит, подмигнул Приску.

– Ну и хаос тут у вас, – раздался знакомый голос.

Приск обернулся – вслед за гражданскими, их телегами и скотом верхом ехал центурион Нонний.

«Он-то откуда?!» – едва не закричал Приск.

Меньше всего на свете легионер мечтал вновь встретиться с этим человеком.

* * *

Приск был сам не свой. Ночь не мог спать спокойно – то и дело просыпался. Кука, явившийся только под утро, сказал, что пока в лагере все тихо.

«О, бессмертные боги, еще немного времени... умоляю...» – Гай застонал, представив на миг, что будет, если варвары усадьбу Корнелия возьмут.

– Раны ноют? – понимающе спросил Кука.

– Вроде того. Ты не выведал, почему Нонний вновь у нас?

– Выведал.

– Ну и что?

– Он здесь проездом. Его отправляют в Четвертый Счастливым легион первым центурионом во второй когорте.

– Погоди! Он же был префектом лагеря...

– Во-первых, префектом лагеря он был временно. А во-вторых, трибун Анний наверняка доложил о его «подвигах» заместнику. А тот решил поскорее перевести нашего героя на дакийский берег.

– И в результате Нонний оказался в Эске, – подвел итог Приск.

– Думаешь, он случайно у нас остановился?

Да, с Ноннием все было неясно. Почему его после убийства Квинта перевели, почему теперь он отделался столь малым наказанием? Явно делал карьеру под чьим-то покровительством. Но вот под чьим? Нонний никогда об этом не распространялся.

– Жаль, при Тапае его не было, – заметил Кука. – Мы бы его там упокоили.

– Следи за мерзавцем, такие, как он, старое не забывают, – посоветовал Приск.

– Буду приглядывать, – пообещал Кука, – и другим скажу.

* * *

Хуже всего знать, что нападение будет, и ждать в бездействии, когда же все начнется. Вестей никаких, мороз крепчает, и мысль, что, возможно, доживаешь последние свои деньки, кажется почти обыденной.

Пару раз Приск сталкивался с Ноннием. Тот смотрел мрачно. Но и только.

В первый день Нонний вел себя осторожно, будто что-то высматривал, вынюхивал. Но к вечеру не утерпел и пустил палку в ход – двоим новобранцам «повезло» попасться ему на пути, и центурион тут же безжалостно избил их, ни за что. Легионеры постарше старались обходить его как бешеного. Кажется, военный трибун так и не поставил Нонния никем командовать, потому что и на другой день он просто шатался по лагерю.

День Приска и его друзей теперь проходил в хлопотах – караулы, работа в мастерских, организация команд из беженцев. Оглянуться не успеешь, а день уже и промелькнул. Зато вечера были тягучими как смола. Собирались на кухне, где было тепло и где кроме красного отсвета печи, еще горели светильники. Играли – у Тиресия был при себе набор фишек из голубого и белого стекла, а поле для игры вырезали на широкой доске стола.

На другой день после вселения в лагерь жителей канабы Кука привел в казарму закутанную в толстый плащ девицу. Впрочем, куталась она зря – и так всем было ясно, чья именно аппетитная фигурка скрывается под темной тканью.

Тиресий тут же предложил заклад – сколько времени гостя пробудет в гостях. Тиресий ставил на полчаса. Приск – на час. Малыш заявил, что и четверти клепсидры⁶⁹ много.

Тиресий тут же выставил клепсидру (чтоб она не замерзала, ложась спать, предсказатель выливал из нее воду) и собрал ставки.

– Два часа! – последним объявил свою версию Молчун.

Принялись играть, однако игра как-то не клеилась под сладострастные ахи и охи из соседнего помещения.

Пари выиграл Молчун.

Вода стала отмерять уже третий час, когда Майя, опять закутавшись в плотный плащ, покинула комнату. Кука так умаялся, что провожать ее не стал – отправил с девицей Аристея. Медик в госпитале вправил рабу плечо, но велел пока носить руку на кожаной перевязи и, по возможности, не беспокоить.

Вернулся Аристей нескоро, когда уже все, кроме Приска, отправились спать. Ни слова не сказав, красавчик-грек подсел к огню. Приск, оставленный присматривать за печью до возвращения Аристея, невольно усмехнулся: сдавалось ему, что над заданием ликсы трудится теперь не один только Кука.

* * *

Так прошло три дня, а на четвертый день утром ворота отворились, и в лагерь влетел на взмыленной лошади бенефициарий. Приск и Кука в этот момент как раз стояли в карауле у ворот.

Приск проводил всадника взглядом.

– Хорошо бы узнать, какое известие привез нам гонец, – сказал, ни к кому не обращаясь, Гай.

– Какое... понятно какое... даки где-то в низовьях переправились. А где именно, нам скоро сообщат, – сказал Кука.

И тут же заиграла труба, созывая общий сбор.

Кука оказался прав: известие, что привез бенефициарий, было, мягко говоря, нерадостным. Когда все имевшиеся в наличии легионеры и ауксиллярии построились перед принцепией, военный трибун сообщил, что варвары переправились через Данубий-Истр в низовьях и обрушились на Малую Скифию. Приказ наместника: запереться в стенах, оборонять лагерь и канабу. Канабу – по возможности.

– Где же Траян!? – воскликнул в сердцах Малыш.

⁶⁹ Клепсидра – водяные часы.

– Видимо, слишком далеко, чтобы успеть на помощь, – отозвался Кука.
«Где же Кориолла?» – подумал Приск.

Все эти дни он вспоминал о ней. Думал даже лично поехать в усадьбу – предупредить. Любовь, которую он все эти годы пытался умертвить, вспыхнула вновь. Замерзшее сердце оттаивало и кровоточило. Так бывает, когда в тепле начинают отходить замерзшие пальцы. Поначалу Приск надеялся, что старый Корнелий, столько лет проживший в этих местах, передумает и перевезет семью в лагерь. Должен же он понимать, какая опасность им угрожает!

Но ждал Приск напрасно.

Измаявшись вконец, решил отправить кого-нибудь к Корнелию в усадьбу – пусть гонец расскажет о привезенном бенефициарием письме. Но кого послать? Сам Приск мог в любой момент выехать за ворота в разведку. Разумеется, верхом на хорошем скакуне не так трудно сделать крюк и заглянуть к Корнелию. Кука как-нибудь его прикроет... Нет, не прикроет. А за отлучку в такое время могут и казнить, не посмотрят на покровительство Адриана.

О, бессмертные боги, как он мог поверить, что Кориолла – такая же развратная дрянь, как и Майя? Как убедил себя, идиот, что не любит ее больше... И – как смирился со сватовством Валенса?! На все эти вопросы он теперь не находил ответа.

– Гай, – окликнул его Тиресий. – Префект лагеря ждет нас всех немедленно у себя.

Взгляд Приска остановился на Аристее. Парень теперь почти все время таскался вслед за хозяином, вот и сейчас стоял рядом, глядя прямо перед собой. Его поразительно красивый профиль с прямым носом и чувственным ртом, маленьким, но упрямым подбородком, и меланхолично полуприкрытым веком виделся чудной камеей, вырезанной рукой искусного мастера.

Послать его? Почему бы и нет?

Сбежит? Как же! Он для варваров – заманчивая добыча. Такой красавчик, после того как рука вправлена, стоит бешеных денег. Аристей вернется. И даже быстрее, чем какой-либо другой посланец.

– Аристей! Верхом ездить умеешь? – спросил Приск.

Юноша повернулся, тряхнул кудрями.

– Я привезу госпожу Корнелию в лагерь, – сказал, наклонив голову.

– Кука, я сейчас говорил вслух? – шепотом осведомился Приск у товарища.

– Сейчас нет. Но ты с самого утра раз десять уже заговаривал о Кориолле и раз пять усомнился в крепости стен усадьбы ее отца, – отозвался Кука.

– Живо бери коня и скачи. Без девушки не возвращайся! – приказал Гай и пожалел, что не отправил парня еще накануне.

Всё правильное мы совершаем всегда слишком поздно.

Глава VI Аргедава

Осень 854⁷⁰ года от основания Рима. Дакия

После того, как Траян ушел из долины реки Бистры, Децебал велел своим телохранителям собираться в путь. Куда? Не подданным задавать царю подобные вопросы. Лишь Бицилису да Везине сообщил правитель, что путь его лежит в Аргедаву, бывшую столицу Дакии. Там поджидал Децебала младший брат Диег с отрядом молодых воинов в пятьсот

⁷⁰ Осень 101 года.

человек. Новая стая волков, этим летом не успевшая отвесть человеческой крови, должна теперь вдосталь напиться в зимнюю пору на римском берегу Данаубия-Истра.

Диег – ныне главный помощник старшему брату: именно он набирал бойцов в гарнизоны горных крепостей, присматривал за военачальниками, каждый из которых мнил себя независимым царьком, отвечал за охрану северной дороги в рудничном крае. Правая рука Децебала.

Ну а левая – это Бицилис, умный человек, умнейший даже, недаром Децебал поручил ему формирование когорт римского строя из перебежчиков и добровольцев. На это сложное дело Децебал щедро отсыпал Бицилису золота из казны. Бицилис сумел создать что-то около легиона неплохо обученной пехоты, построил машины, запасася оружием. Все это пригодится Децебалу летом: в том, что Траян начнет весной новое наступление, никто не сомневался.

Одно тревожило Децебала – правая его рука слишком часто ссорилась с левой, и порой дело доходило до драки. В такие мгновения Децебал всегда вспоминал Буребисту⁷¹. Велик был этот царь и суров к своим не меньше, нежели к чужим. Стреб в кулак разрозненные племена, соединил в могучее царство, из уязвимой Аргедавы перенес столицу в горную цитадель, заложил в горах крепости так, чтобы никто не смог проскользнуть незамеченным вглубь его страны через речные долины. Отсюда, из сердца Дакии, отправлялся Буребиста в походы на запад, юг и восток. Тогда дакийскому царю покорились все племена вплоть до самого Данаубийского берега – безропотно, не смея перечить, а если кто перечил, их земли превращались в пустыню. Впрочем, Буребиста правил нехитрыми методами – собирал армию да грабил соседей – всех, до кого хватало сил дотянуться острием меча. Самой лакомой добычей были города припонтийские – торговые греческие колонии: устроил им Буребиста кровавое омовение. Верно, вспомнили в те горькие дни жирные греки, что Понт Эвксинский не всегда был гостеприимным, и когда-то называли его Понтом Авксинским⁷². Буребиста умел грабить да собирать сокровища, хватал все, что оставалось без присмотра. А вот когда с северо-востока пожаловали сарматы – не посмел дать отпор, заперся в горных крепостях со своей свитой и там переждал нашествие. Но стоило варварам удалиться, как хитрый царь вновь всех ограбленных и недобитых прибрал под свою руку.

Великий Цезарь, тот, чье имя теперь носят все правители Рима, из далекой Италии разглядел опасного врага и стал собирать огромную армию для похода. Но оба – и Цезарь, и Буребиста, погибли в один и тот же год от рук убийц. Великое Дакийское царство после смерти Буребисты тут же распалось на части. Сохранилось лишь ядро с центром в Сармизегетусе под властью нового царя Деценея.

Буребиста... Еще в юности Децебал мечтал повторить деяния сурового царя – вновь собрать под свою длань разрозненные племена. Природа щедро одарила Децебала – физической силой, умом, хитростью, умением привлекать к себе людей. Воины из царской свиты готовы были отправиться на смерть по одному его знаку. Из ошибок он умел извлекать уроки, поражения обращал себе на пользу. Мечта исполнилась: он соединил владения племенных царьков и вождей в новое царство – и людей под дланью дакийского царя стало куда больше, нежели тех, кем повелевал Буребиста. И все же... Ненависть вождей, против воли склонивших выи, тлела незагашенным огнем: то один, то другой царек из союзников превращался во врага или, затаившись, выжидал, кто же из двух хищников одолеет в смертельной схватке – дакийский волк или capitoлийская волчица.

⁷¹ Буребиста – царь Дакии, правил между 82–44 гг. до н. э. (по другой версии – 70–44 гг. до н. э.), убит в 44 до н. э., в один год с Юлием Цезарем.

⁷² Авксинский (греч.) – негостеприимный, эвксинский – гостеприимный.

Впрочем, точно так же когда-то исходили ненавистью покоренные Бурбистой вожди. Правда, у сурового царя был тогда умный союзник – верховный жрец Деценей. Теперь даки почитают Деценея, как и Замолксиса⁷³, – богом. Был при жизни этот человек хитер, а для царя нет никого опаснее хитрого жреца, который уверяет, что его устами вещают боги. Такой станет вертеть правителем как вздумается и, в конце концов, сам взалкает царской власти. Был Деценей так ловок, что устроил себе отдельную столицу: Бурбиста сидел в Костешти, на вершине холма, а Деценей еще выше – в Сармизегетузе, среди хвойных лесов и белых облаков. Хитрый жрец – сильный союзник, но стоит царю пойти против его воли, как тут же жрец становится смертельным врагом. Не только царь был властен над подданными – его верховный жрец имел право пытаться и предавать смерти тех, кто осмеливался идти против воли жрецов. А из жрецов, что жили в Сармизегетузе, можно было составить немалый боевой отряд.

После смерти Бурбисты еще долго ходили слухи, что убившие Бурбисту вожди были в сговоре с Деценеем, который к жреческому сану прибавил царский титул. Именно Деценей окончательно сделал Сармизегетузу столицей Дакии. Новый царь-жрец был мастером превращать старые верования в новые: он довел пантеон дакийских божеств до семи, отодвинул в сторону Гебелейзиса-Замолксиса и возвысил бога войны Мариса. Комозик, наследовавший Деценею, тоже провозгласил себя и жрецом, и вождем.

Отец Децебала Скориллон сорок лет правил в Сармизегетузе, под защитой гор. Вступивший на трон еще молодым человеком, Скориллон был царем осторожным – больше заботился о сохранении того, что имел, нежели о приобретении нового. Жрецы при нем подняли головы и отдали царство после его смерти Диурпанею, а не Децебалу. Диурпаней оказался дрянным правителем, власть тут же стала утекать из его цепких, но корявых пальцев. Диурпаней постоянно твердил, что во всем подражает Бурбисте. Жалкое получилось подражание. Но золото и серебро по-прежнему добывали в северных рудниках, так что царю было чем одаривать военачальников-пилеатов. С севера из соляных варниц везли соль – цену за нее царь назначал такую, что крестьяне в долинах, покупавшие соль, порой поливали слезами свои медяки. Но охранять рудники да собирать налоги – неподобающее занятие для сотрапезников царя. Все громче слышались голоса, что теперь самое время показать Риму, кто является настоящим хозяином на Данубии-Истре, пусть увидят все племена и народы, что царь Дакии во всем равен римскому Цезарю.

Жрецы вкрадчивыми голосами стали раз за разом повторять, что бог войны давно не получал кровавую пищу, что пора принести ему пленников в жертву, и Диурпаней затеял поход на Мезию. О да, разумеется, царь был прав, заявляя, что нельзя пускать римлян на северный берег реки, был трижды прав, когда говорил, что под руку дакийского царя должны прийти все родственные племена и даже не совсем родственные, если они хотят жить по заповедям предков и своему разумению, а не по указке римлян. Но отправиться грабить Нижнюю Мезию, как это обычно делал Бурбиста, было самым глупым поступком Диурпанея.

Спасать от поражения дядюшку пришлось Децебалу. Но, помня обо всех эти жреческих играх и жажде власти такой сильной, что сравниться с нею могла лишь жажда золота, Децебал сам сделался верховным жрецом, чтобы никто и ни в чем ему не перечил. Более того, его, как когда-то Замолксиса и Бурбисту, уже начинали почитать полубогом.

⁷³ Согласно легенде Замолксис был рабом у Пифагора, прошел у него обучение, был отпущен, много странствовал, в Египте приобщился к таинствам египетских жрецов, затем вернулся на родину, где стал жрецом при одном фракийском царе, снискав своей мудростью великую славу и проведя ряд религиозных реформ. Считалось, что он владеет тайной бессмертия. После смерти Замолксиса был обожествлен. Со временем Замолксиса-бога стали соотносить с богом грозы Гебелейзисом и культ Гебелейзиса-Замолксиса сделался главенствующим.

Мир с Домицианом был заключен самый выгодный – царь Дакии получил ни к чему не обязывающий титул друга римского народа (не собирался же в самом деле Децебал вставать под знамена римских полководцев по первому зову, а мелкие уступки не в счет), а в придачу – десятки римских инженеров и дань, скромно именуемая «подарками нашему другу». Римляне платили дань Дакии! Одно это известие заставило умолкнуть недовольных.

Самым ценным приобретением, разумеется, были римские инженеры – они достраивали оборонительную стену длиной более мили, замыкая горные хребты вокруг долины, соорудили настоящую природную крепость под присмотром цитадели на Красной скале, они строили дозорные башни, они оборудовали цистерны для сбора дождевой воды в «орлином гнезде» Блидару, крепости, не пригодной для долгой осады именно из-за того, что родники били ниже крепостных стен.

Многое может сделать великий правитель, если знает, к чему стремиться, если все силы готов положить ради своей земли. И все же... без соизволения богов не преуспеть никому.

Трижды уже посылал Децебал гонцов к Замолксису⁷⁴, в тревожные годы вспомнив о позабытом божестве. Просил царь Замолксиса об одном: чтобы началась в Риме смута, чтобы пришел к власти осторожный и слабый политик, склонный к миру, а не к войне, второй Домициан, а не новый Юлий Цезарь. Не под силу еще Дакии тягаться с Римом, надобно еще лет двадцать, не меньше, чтобы создать мощную армию, способную не только укрываться в крепостях на горных вершинах, а встречать римлян на равнине лицом к лицу. Нужны надежные союзники, а не такие, кто предаст, услышав первый сигнал римской боевой трубы.

Но то ли не дошла до Замолксиса просьба, то ли не в силах дакийский бог был ее выполнить – и на берега Данубия явился Траян, чтобы сокрушить Децебала.

В последний раз послали гонца к Замолксису с просьбой совсем простой: дабы сковали этой зимой воды Данубия суровые морозы, чтобы тяжелые кони закованных в железо роксоланов прошли по льду, чтобы проехали повозки бастарнов, чтобы тысячи и тысячи людей одновременно смогли устремиться на другой берег...

⁷⁴ Посылка гонца описана в романе «Легионер. Век Траяна». «Гонца» подбрасывали в воздух, а падал он на копыта, которые пробивали его тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.